

*Содержание по плану Владимира Васильевича
Красноярского для автора.*

НОВЫЕ
РЕФОРМАТОРЫ
„О ЧЕТЫРЕХЪ ИЗМѢРЕНІЯХЪ“
ВЪ
РЕЛИГІИ И НАУКѢ.

Берегитесь отъ него!

РЕВЕЛЬ.

Типо-Литографія Балтійской Железной Дороги.

1878.

23600

Северная
Красная Научная
Библиотека

~~275~~
№ 76

С. Цвѣтъ.

НОВЫЕ

РЕФОРМАТОРЫ

„О ЧЕТЫРЕХЪ ИЗМѢРЕНІЯХЪ“

ВЪ

РЕЛИГИИ И НАУКЪ.

2 Северная
Красная Научная
Библиотека

РЕВЕЛЬ.

Типо-Литографія Балтійской Желѣзной Дороги.

1878.

• 29600 •

37129

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4-го Декабря 1878 года.

30249

Доказанное фокусничество пресловутаго Бредифа и медіумовъ понавшихъ въ менделеевскую комиссію, результаты изслѣдованій этой комиссіи, и — наконецъ — представленія мистера Юмса въ саду Егарева, — всего этого было, кажется, съ избыткомъ достаточно для окончательнаго признанія за такъ — называемыми спиритическими явленіями: несомнѣннаго права на занятое ими наконецъ откровенно мѣсто въ Саду Разнообразныхъ Развлеченій. Но чѣмъ очевиднѣе становилась дѣйствительная суть спиритическихъ претензій, тѣмъ загодичнѣе выступало причастіе къ нимъ людей образованныхъ, даже извѣстныхъ ученыхъ, у насъ и въ Англіи, откуда зараза перешла въ послѣднее время и въ Германію. Эта сторона спиритическаго вопроса мнѣ кажется слишкомъ важной, чтобы оставлять ее безъ возможно полнаго разъясненія. Она обратила на себя мое вниманіе при первомъ же знакомствѣ съ спиритизмомъ, когда мое сужденіе о немъ основывалось только на логическихъ выводахъ изъ обстановки спиритическихъ сеансовъ, когда я еще не имѣлъ въ виду средствъ для провѣрки этихъ выводовъ прямыми или косвенными показаніями самихъ спиритовъ. — Путь къ этой повѣркѣ открытъ теперь для всѣхъ, благодаря усердію того-же Императорско-Русскаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника въ Петербургѣ (такъ титулуется себя нашъ патріархъ спиритовъ) А. Н. Аксакова, которому такъ много обязана Менделеевская комиссія за доставленіе ей такихъ превосходныхъ экземпляровъ медіумовъ,

какими оказались знаменитые у спиритовъ братья — фокусники. Я говорю о вышедшей въ 1876 году въ Лейпцигѣ 2-й части XIV тома Спиритической библіотеки, подъ заглавіемъ: *Das streitige Land, eine Adresse an die protestantische Geistlichkeit aller Länder und Confessionen über die Ursachen des Verfalls des Protestantismus, von Robert Dale Owen, ehemaligen amerikanischen Gesandten zu Neapel und Congress-Mitgliede der Vereinigten Staaten, übersetzt von G. Wittig, herausgegeben von Alexander N. Aksakow, Kaiserlich Russischen Wirklichen Staats-Rath zu St.-Petersburg.* (Спорное поле, адресъ къ протестантскому духовенству о причинахъ упадка протестантизма). Другая относящаяся къ этому же предмету книга, знакомствомъ съ которой я также обязанъ г. Аксакову, по его статьѣ о ней въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, — также Лейпцигское изданіе, профессора Астрофизики тамошняго университета г. Целльнера, подъ заглавіемъ: *Wissenschaftliche Abhandlungen.* Мы займемся сначала произведеніями г. Овена — спиритическаго реформатора въ религіи. — Приступая къ изложенію своихъ воззрѣній на причины безсилія и упадка реформаторскаго движенія въ христіанствѣ, со временъ Лютера и Кальвина, г. Овенъ высказываетъ свою твердую увѣренность, «что одни евангельскія повѣствованія не могутъ уже внушать современнымъ изслѣдователямъ тѣхъ убѣжденій, которыя черпали въ нихъ наши предки; что вѣра современнаго человѣка въ невидимый міръ требуетъ постоянно свѣжаго и постоянно возобновляющагося подтвержденія» (стр. 4). Какъ такое подтверждающее вѣру въ невидимый міръ средство, г. Овенъ рекомендуетъ протестантскому духовенству всѣхъ народовъ — спиритизмъ! По его словамъ,

въ послѣдніе годы многіе серьезно мыслящіе люди признали въ загадочныхъ явленіяхъ спиритическихъ сеансовъ могущественное, неизмѣримой практической силы средство для оживленія колеблющейся вѣры въ будущую жизнь и для поддержанія общественной и частной нравственности (Anhang. стр. 2). Спиритизмъ, по мнѣнію Овена, распространяется незамѣтно посредствомъ дѣятельныхъ вліяній въ кругѣ семейной интимности; онъ проникаетъ уже въ различныхъ видахъ въ лучшія литературныя произведенія нашего времени;*) онъ входитъ въ существующія Церкви не какъ противникъ, а какъ союзникъ. Его стремленіе — смягчить и сгладить несогласія въ исповѣданіяхъ протестантовъ и римско-католиковъ, пресвитеріанъ и англиканъ, баптистовъ и методистовъ, унитаріевъ и универсалистовъ. Его стремленіе — повліять подкрѣпляющимъ и одухотворяющимъ образомъ на религіозное настроеніе нашего вѣка, — поднять его жизненную силу, оживить его убѣжденія (!) (стр. 70). «Въ высшихъ явленіяхъ спиритизма, — другими словами — въ лучшихъ примѣрахъ новаго проявленія силъ и способностей, соединенныхъ съ вдохновеніемъ свыше (Inspiration), можно видѣть исполненіе обѣщанія Христа Его послѣдователямъ, что они будутъ творить дѣла, которыя Онъ творилъ (!). Въ чистѣйшихъ откровеніяхъ спиритизма можно найти осуществленіе и другаго обѣщанія о ниспосланіи истины и утѣшенія durch heilige Naechte von Oben» (!) (стр. 139).

Приведенныхъ выписокъ, полагаю, достаточно для характеристики стремленій и плановъ вожаковъ спиритическаго

*) Въ оправданіе этой нелѣпой выходки, г. Овенъ находитъ достаточнымъ сослаться на то, что въ періодическихъ изданіяхъ Гарнера въ 1871 году, въ теченіи 4—5 недѣль, было помѣщено 5 или 6 исторій о явленіи духовъ. (Прим. на стр. 70, Anhang).

движенія, для полнаго подтвержденія убѣжденія, высказаннаго мною въ брошюрѣ «Спиритизмъ и Спириты», что медиумы играютъ только хорошо вознаграждаемую роль орудія въ рукахъ дѣятелей съ цѣлями не-денежной наживы (стр. 8); что присматриваясь внимательно къ характеру личностей въ спиритическихъ кружкахъ, къ той загадочной роли, которую играютъ въ нихъ люди серьезнаго научнаго образованія, — едва ли можно сомнѣваться, что поведеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ относительно спиритизма можетъ быть объяснено только возрѣніями и надеждами, высказавшимися въ комплиментѣ Пія IX обратившемуся въ католичество Юму («Вотъ нашъ волшебный жезлъ») и въ безобразныхъ словахъ патера Вентуры: «доказать существованіе дьявола — значитъ подтвердить одинъ изъ основныхъ догматовъ христіанства, тотъ — безъ котораго оно пустое слово.»*)

Итакъ, нельзя болѣе сомнѣваться, — въ подвигахъ гг. Овеновъ, Аксаковыхъ, Бутлеровыхъ и т. д. мы имѣемъ дѣло съ пропагандою ученія, берущагося утолить духовную жажду нашего времени при помощи Юмовъ, Бредисфовъ, братьевъ Девенпортъ и т. п. Книга Овена и извѣстный парижскій процессъ (съ фотографами-спиритами) служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что въ числѣ пропагандистовъ есть люди твердо вѣрующіе, которыхъ не могутъ разубѣдить никакія самыя очевидныя улики, — которые, какъ одинъ изъ кліентовъ сознавашагося обманщика — фотографа, отвѣтятъ на ваши доводы, что «вы не имѣете права говорить о вещахъ вамъ недоступныхъ»!

*) Спиритизмъ и Спириты. Знакомство, выводы, общественныя и психическія условія, историческая почва. С. П. Б. 1876 г. у Исакова (стр. 25 и 38).

Каково умственное состояніе открытаго г. Аксаковымъ для Германіи апостола спиритизма — можно заключить изъ слѣдующихъ данныхъ. Овенъ признаетъ вполне достовѣрными факты, почерпнутые изъ такихъ источниковъ, какъ *Bibliothèque du Magnétisme animal Lamy Sénart'a*, которому онъ думаетъ придать значеніе, называя его ученекомъ маркиза Пюисегюра, перваго изслѣдователя сомнамбулизма! — Для всѣхъ здравомыслящихъ людей, Пюисегюръ — извѣстный шарлатанъ, послѣдователь Месмера, дурачившій Французскую публику во время эпидеміи Месмеризма около 1775 года (см. А. Maury, *Le sommeil et les rêves* стр. 291; Bouchut, *Histoire de la médecine* въ *Revue des cours scient. 1863.* стр. 70; Спиритизмъ и Спириты стр. 36). Но еще большимъ авторитетомъ для Овена служить знаменитый у спиритовъ ясновидецъ Девисъ (J. Davis), пять томовъ безобразнѣйшихъ элюкубрацій котораго также изданы для нѣмцевъ на русскія деньги въ составѣ спиритической библіотеки г. Аксакова. Для куріоза мы выпишемъ заглавія этихъ спиритическихъ откровеній: *Die Principien der Natur, ihre göttlichen Offenbarungen und eine Stimme an die Menschheit*, (2 тома-16 Mark); *Der Zauberstaat. Eine Autobiographie des Hellsehers*, (8 Mark); *Der Reformator, Harmonische Philosophie über die physiologischen Laster und Tugenden und die sieben Phasen der Ehe*, (7 Mark); *Der Arzt. Harmonische Philosophie über den Ursprung und die Bestimmung des Menschen, sowie über Gesundheit, Krankheit und Heilung*, (8 Mark)! Вся эта чепуха, за которую г. Аксаковъ разчитываетъ выручать по 39 марокъ за экземпляръ, изданная въ подлинникѣ еще въ 40-хъ годахъ на потребу американской «черни въ шелковыхъ

шляпахъ» и полудикихъ или одурѣлыхъ скватеровъ и степныхъ прасоловъ, приподнесена теперь старой Европѣ усердіемъ г. Аксакова. Для нагляднаго сужденія о яснovidѣніи г. Девиса, достаточно будетъ привести изъ его *Principien der Natur* утверждене, что «зачатіе не можетъ состояться при отсутствіи взаимной симпатіи и тождественности желаній» (!), что «цвѣтъ кожи составляетъ только болѣе совершенное проявленіе того — что извѣстно врачамъ подъ названіемъ *naevus maternus*, или родимое пятнышко.» Очевидно гг. Девисъ и Аксаковъ опоздали по крайней мѣрѣ на цѣлое столѣтіе; въ невѣжественной претензіозности такихъ ясновидѣній уличить американскаго учителя любой фельдшерскій ученикъ нашей старой Европы.

Отыскивая своихъ единомышленниковъ въ прошедшемъ, Овенъ останавливается болѣе всего на Сведенборгѣ, который признается у спиритовъ достойнымъ предшественникомъ Девиса. Въ сужденіяхъ о Сведенборгѣ выказывается въ полномъ свѣтѣ душевное разстройство или природная умственная несостоятельность самаго Овена. На стр. 59, Овенъ передаетъ рассказъ Сведенборга о томъ, что онъ находится въ дружбѣ со всѣми епископами и сенаторами, что «сами Король, Королева, а гакже и три принца, ихъ сыновья, выказываютъ къ нему дружественное расположеніе, и что однажды онъ былъ да же приглашенъ къ королевскому столу»; а велѣдъ за этимъ да же, на стр. 61, приводитъ слова того-же Сведенборга о его личныхъ сношеніяхъ съ самимъ Богомъ: «что было дозволено мнѣ — того не удостоился еще никто отъ сотворенія міра.» Очевидно, что самое наглое шарлатанство немогло дойти до этой дерзости: для этого необходима помощь серьезнаго умственнаго разстройства.

Даже Овенъ затрудняется вѣрить дѣйствительности личныхъ сношеній Сведенборга съ Божествомъ, но — преданный болѣзни спиритизма — уже не имѣетъ достаточно умственной бодрости, чтобы воспользоваться нелѣпностью подобныхъ претензій для сужденія о самой личности Сведенборга.

Это ослабленіе умственной бодрости, дѣлающее иныхъ ученыхъ и отъ природы неглухихъ людей совершенно безсильными игрушками собственнаго воображенія и обмана со стороны другихъ, составляетъ именно то печальное, неизбѣжное послѣдствіе спиритическихъ оргій, на которое пора обратить серьезное вниманіе, ради интереса семействъ спиритовъ и цѣлаго общества. Вотъ какъ характеризуетъ процессъ развитія этой душевной болѣзни Tissandier (*Des sciences occultes et du spiritisme*, стр 44). — «Интеллектуальныя силы и природныя способности, съ помощію которыхъ человѣкъ достигаетъ цѣли своего существованія, развиваются не сами собою какъ зерно растенія. Для постепеннаго возростанія этихъ силъ и способностей и достиженія полнаго развитія ихъ, необходимы усилія сознательной воли самаго индивидуума; эта воля должна постоянно господствовать надъ ними, не давая имъ ни на одну минуту оставаться безъ всякаго контроля или подъ вліяніями — которыхъ не слѣдуетъ допускать. Одна минута безпечности, вялости, недостатка обязательнаго контроля, можетъ все испортить. Нельзя сказать, чтобы побужденіемъ ускользнуть отъ постояннаго ревниваго контроля сознанія, воли, была только жажда ничѣмъ не стѣсняемой свободы, — тутъ играютъ роль и другія причины. Направляемая сознательною волей, всѣ наши способности приводятъ насъ вообще къ весьма обыкновеннымъ мыслямъ, невыходящимъ изъ предѣловъ средняго уровня здраваго смысла; но стоитъ только дать волю воображенію — и эта посредственность

тотчасъ замѣнится безкопечнымъ разнообразіемъ представленій, кажущихся грандіозными, поразительными, оригинальными. Сила фантазіи является какъ бы удвоенною, и съ человѣкомъ проеиходитъ на яву то, что обыкновенно бываетъ только во снѣ. Прочитайте А. Лемуана или А. Мори о снѣ, — вы увидите, что странность сновидѣній и плодovitость воображенія во снѣ зависятъ именно отъ отсутствія сознательнаго управленія нашими умственными способностями. Но, какъ справедливо говорятъ, человѣкъ можетъ видѣть сны и на яву. Я не говорю о той невинной, спокойной, сладкой мечтательности, которая убаюкиваетъ насъ на короткое время и исчезаетъ при первомъ движеніи воли. Я имѣю въ виду то настроеніе ума, незнающаго ни мѣры, ни порядка, которое все преувеличиваетъ, раздуваетъ, смѣшиваетъ, создавая особую для себя дѣйствительность и увлекаясь постоянно приманкою оригинальности. Эту могущественную дѣятельность воображенія мы принимаемъ за возвышеніе силы нашего духа: мы считаемъ его болѣе плодovитымъ въ условіяхъ полной свободы; намъ кажется, что эта свобода — начало его величія и тѣмъ легко оправдываемъ наше возмущеніе противъ контроля сознанія. Но иллюзія скоро исчезаетъ, а съ нею и наше счастье, Здоровое равновѣсіе способностей оказывается нарушеннымъ; дѣятельность нашихъ интеллектуальныхъ силъ извращается; напрасно мы усиливаемся возратить потерянную власть — источникъ нашего достоинства и силы: все разомъ уходитъ отъ насъ — и нашъ умъ, и наша свобода, и наше здоровое чувство. Воображеніе забираетъ совершенно въ свою власть, подавляетъ и тиранитъ свою жертву; оно порождаетъ только чудовищные образы и пугаетъ насъ нами же созданными привидѣніями. Мы стано-

жились игрушкою любопытства безпокойнаго, ненасытнаго; насъ толкаетъ противъ нашей воли къ предметамъ, отъ которыхъ мы готовы убѣжать, ужасающимъ насъ. Видѣнія слѣдуютъ за видѣніями, несообразности за несообразностями; всѣ другія стороны жизни мало по малу уходятъ отъ насъ. Мы остаемся безсильными противъ снѣдающаго насъ недуга, мы теряемъ способность интересоваться вопросами практической жизни, обязанностями, часто отрадными, которыя она на насъ налагаетъ. Отъ легкаго и мягкаго ига разсудка мы перенли подъ подавляющее „иго болѣзненной мысли, тѣранствующій надъ нами непрерывно“ (*).

Въ этой яркой картинѣ развитія опаснаго нравственнаго недуга изображень, съ буквальной точностью, тотъ самый психическій процесъ, который рекомендуетъ Овенъ, какъ самый вѣрный путь къ достиженію спиритическаго вдохновенія и спиритическихъ откровеній (Anhang стр. 88 и слѣд.). Сведенборгъ, какъ извѣстно, и дошелъ этимъ путемъ къ неизлѣчимуому помѣшательству. Сумашествіе Сведенборга засвидѣтельствовано и современникомъ его, Кантомъ. Шлеи-денъ, посвятившій Сведенборгу особый этюдъ, категорически признаетъ его помѣшаннымъ, объясняя вмѣстѣ съ тѣмъ флѣзіологически происхожденіе галлюцинацій, которыя Сведенборгъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, въ теченіи 27 лѣтъ, принималъ за дѣйствительность, съ тѣхъ поръ-какъ послѣ плотнаго ужина, поздно вечеромъ, въ одномъ Лондонскомъ

(*). Подробности происхожденія развитія болѣзненныхъ состояній этого рода у Brierre de Boismont: Des hallucinations, ou Histoire raisonnée des apparitions, des visions, des songes, rêves, du magnétisme et du somnambulisme.

трактерѣ, оны увидѣли въ углу комнаты, посреди зракаго свѣта, человѣка, который страшнымъ голосомъ закричалъ ему: не ѣшь такъ много Въ послѣдующихъ видѣніяхъ этотъ самый человѣкъ являлся Сведенборгу уже въ образѣ самаго Бога (*). Съ этой стороны, явленія спиритизма требуютъ, очевидно, не ученыхъ изслѣдованій, а тѣхъ, которыхъ необходимость, въ видахъ огражденія матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ семействъ спиритовъ и общества, предсудотрѣна въ ст. 368 т. X ч. 1. С. 3. гражд.

Рекомендованный г. Аксаковымъ реформаторъ въ религіи, впрочемъ и безъ этого изслѣдованія, обнаружилъ наконецъ несомнѣнные признаки помѣшательства, въ которомъ и умеръ кажется въ 1876 году. Нисколько, повидимому, незадумавшись надъ такимъ печальнымъ исходомъ ученаго Овена, наши поборники спиритизма открыли теперь новую, уже научную опору для своего ученія, въ лицѣ нѣмецкаго физика Целльнера. Объ этомъ открытіи г. Аксаковъ оповѣстилъ въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, а г. Бутлеровъ въ Февральской книгѣ Русскаго Вѣстника за 1878^г годъ. Повидимому, г. Целльнеръ сдѣлался жертвою того болѣзненнаго увлеченія, котораго характеристика обрисована выше по словамъ Тиссанде. Самолюбіе, несоотвѣтствующее дѣйствительнымъ силамъ, и необузданная фантазія давно уже влекли его на путь противный здоровому научному мышленію, и сдѣлали наконецъ жалкою игрушкою въ рукахъ перваго встрѣчнаго шарлатана, съумѣвшаго представить свои фоку-

(*) Шлейденъ, Этюдъ, въ переводѣ пр. Калиновскаго стр. 169, 171 и 188.

сы въ опору давно сложившихся у Целльнера необычайныхъ воззрѣній. Мы объяснимъ "дальше всю явную ихъ несообразность, -- теперь желали бы устранить только для читателя всякую загадочность въ этомъ случаѣ указаніемъ на условія, въ которыхъ г. Целльнеръ, подобно многимъ другимъ ученымъ, могъ оказаться весьма податливымъ всяческому самообольщеніямъ. (*)

Кто сколько нибудь знакомъ по собственному опыту съ жизнію ученаго-ислѣдователя, съ особенностями психическаго настроенія этой профессіи, -- знаетъ, до какой степени въ ней самый трезвый мыслитель дѣлается податливымъ искушенію

(*) Свораченію г. Целльнера въ спиритизмъ можетъ быть содѣйствовало и вліяніе англійскихъ кружковъ сведенборгіанской секты во время пребыванія Целльнера въ Англій. Мы дѣлаемъ это предположеніе въ виду того, что Целльнеръ, для поддержанія авторитета Сведенборга, не останавливается, какъ мы увидимъ дальше, ни предъ какими средствами. Секта сведенборгіанцевъ образовалась въ Англій еще въ концѣ XVIII вѣка, при содѣйствіи нѣкоторыхъ англиканскихъ епископовъ, видѣвшихъ въ розказахъ о чудесахъ Сведенборга удобное средство поддерживать въ эксплуатируемыхъ ими народныхъ массахъ вѣрованіе въ то -- во что сами давно перестали вѣрить. Уже въ 40-хъ годахъ было въ Англій болѣе 50 сведенборгіанскихъ общинъ съ особымъ синодомъ во главѣ; въ Америкѣ ихъ еще больше. Они издають свои журналы и имѣють своихъ миссіонеровъ. Еще въ 1843 году Д. С. Милль указывалъ на опасность "для здороваго интеллектуальнаго развитія Англій поспокъ за чудеснымъ, какъ за средствомъ религіозной пропаганды (Индукт. Логика, нѣм. извл. Шля, стр. 408). Весьма яркую характеристическую черту англиканскихъ прелатовъ указываетъ Бокль, въ своей исторіи Цивилизаціи въ Англій (нѣм. пер. Ругге) (1. стр. 346).

вѣрить тому—въ чемъ желалось бы убѣдиться, видѣть и вычитывать вездѣ и во всемъ именно то, и только то, что вторить установившемуся настроенію, взгляду. Самое опасеніе впасть въ ошибку часто ведетъ къ такимъ же послѣдствіямъ, какъ опасеніе упасть въ пропасть стоя надъ обрывомъ: зіяющая бездна какъ будто притягиваетъ къ себѣ, человѣкъ какъ будто самъ желаетъ броситься въ нее. Теперь гг. Аксаковъ и Бутлеровъ пытаются поставить массу читающей публики именно надъ такою зіяющею пропастью гордаго, самоувѣреннаго безумія, хорошо знакомаго человѣчеству со временемъ незапамятныхъ. Напрасно г. Бутлеровъ, вмѣстѣ съ г. Целльнеромъ (тр. 965 Рус. Вѣст.), ободряютъ себя и другія несчастныя жертвы самолюбиваго самообольщенія мыслью, что отвращеніе отъ безобразно нелѣпныхъ теорій спиритизма обусловливается у здоровыхъ людей “незнакомствомъ съ лигатурными сокровищами прошлаго”; читающая публика избавлена теперь даже отъ необходимости прибѣгать къ самымъ источникамъ по этому предмету, благодаря одному изъ самыхъ усердныхъ и искреннихъ поклонниковъ всякой “чертовщины”—профессору Максимилиану Перти. Общая характеристика всѣхъ примѣровъ собранныхъ въ его извѣстной книгѣ, *Die mistischen Erscheinungen der menschlichen Natur* — органическое разстройство, невѣжественное суевѣріе, или гордость, самообольщеніе и упадокъ нравственныхъ силъ, какъ въ библейскомъ примѣрѣ царя Саула у Эндорской волшебницы. Даже примѣненіе къ дѣлу математики—дѣло не новое: служила-же она давно для кабалистическихъ и астрологическихъ вычисленій.

Нова — или, лучше сказать, обновлена нѣсколько только самая форма одуряющаго приѣма. Гг. Аксаковъ и Бутлеровъ ставятъ теперь нашу публику и дѣ таинственной пропастью самыхъ отвлеченныхъ философскихъ и математическихъ теорій, съ которыми вдобавокъ и сама мало знакомы успѣхъ, очевидно, тѣмъ болѣе обезпеченъ. Какъ не войти ихъ доводамъ, всетаки обшлфованнымъ и изукрашеннымъ блестящими учености и джигитльмента, — въ головч, въ которыхъ свободно усаживаются въ непоколебимыя вѣрованія — наглья и невѣжественныя рекламы безсовѣстныхъ шарлатановъ, подобныхъ знаменитому теперь въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ графу Маттеи, съ его электричествомъ въ стклянкахъ(!), желтымъ, зеленымъ, и краснымъ, за которыя въ нашихъ порнократическихъ кружкахъ платять чуть не на вѣсь брилліантовъ! Разумѣется, пытаться разубѣдить подобныхъ людей, самую природою назначенныхъ служить кормомъ для Юмовъ, Бредифовъ, Слэдовъ, Маттеи, Wunder-Grau, и проч. и проч., — было бы совершенно безвадежно. Наша статья назначена не для нихъ, а для тѣхъ еще вполне здоровыхъ и не безсильныхъ людей, которыхъ зовутъ на край зіющей пропасти голоза ученыхъ Круксовъ, Целльпоровъ, Бутлеровыхъ, Вагнеровъ. Относительно предполагаемыхъ читателей нашихъ, мы не считаемъ умѣстнымъ пугаться трудности самаго предмета, входящаго въ область высшихъ математическихъ теорій, слѣдуя въ этомъ примѣру Гельмгольца въ его статьѣ *Über den Ursprung und die Bedeutung der geometrischen Axiomen* (О происхожденіи и значеніи геометрическихъ аксіомъ). Если онъ могъ разсчитывать

на общепонятность этого предмета для германской публики, съ математическимъ образованіемъ не выше гимназическаго курса, то нѣтъ основанія не ожидать такой же понятливости и отъ русской читающей публики, хотя и менѣе многочисленной чѣмъ въ Германіи. Не повторяя всего, что сообщено г. Бутлеровымъ, по Целльнеру, изъ исторіи происхожденія мысли о пространствѣ болѣе нежели трехъ измѣреній, мы ограничимся только возможно сжатою характеристикою этой мысли и условій ея возникновенія.

Такъ называемая Эвклидова геометрія исходитъ изъ наглядныхъ представленій о формахъ тѣлъ и ихъ ограниченія поверхностями и линіями, и если прибѣгаетъ къ формуламъ, то единственно для обозначенія символическими знаками того — что вытекаетъ изъ непосредственныхъ наглядныхъ представленій. Поэтому, въ ней, кромѣ того — что составляетъ содержаніе этихъ представленій и логическихъ выводовъ изъ нихъ, — ничего нѣтъ и быть не можетъ. Такъ и было всегда до тѣхъ поръ, пока къ геометрическимъ вопросамъ не стали подступать путемъ алгебраическаго анализа. Алгебраическая формула основана на предположеніи, что употребленныя въ ней буквы обозначаютъ какого либо рода величины, то есть все — что подлежитъ какому либо измѣренію или исчисленію. Никакое качество, никакое явленіе не могутъ быть притянуты къ этимъ формуламъ, если только нѣтъ средствъ связать ихъ какимъ либо образомъ съ представленіями количества, величины, разложить ихъ на эти представленія. Усилія добиться этой связи, достигнуть этого разложенія — и составляютъ собственно все содержаніе на-

шого теоретическаго естествознанія. Качество представляется нашему уму только человѣческою, феноменальною формою объективныхъ количественныхъ опредѣленій. Предъ каждымъ явленіемъ природы нашъ умъ не успокоивается то тѣхъ поръ — пока не превратитъ всѣхъ его качествъ въ количества, т. е. пока не передастъ ихъ въ руки математики. Въ этомъ — истинный смыслъ древней пифагорейской формулы: числа управляютъ міромъ. Для чистой математики, всѣ величины, каково бы ни было ихъ происхожденіе, совершенно одинаковы, и это не имѣетъ никакихъ неудобствъ, а даже представляетъ болшія выгоды до тѣхъ поръ, пока исчисленіе или остается строго на почвѣ чистой математики, или же не выходитъ изъ круга разъ предположеннаго примѣненія. Совершенство математическаго языка, справедливо замѣчаетъ С. Д. Милль, въ томъ и заключаются, что языкъ этотъ приравновленъ къ чисто механическому употребленію. (*) Математическіе знаки не имѣютъ на малѣйшей тѣни иного значенія — кромѣ условленнаго, которое должно быть возобновляемо (то есть оговариваемо) при каждомъ новомъ примѣненіи этихъ знаковъ (Милль, Индуктивная логика, въ нѣм. излож. Шилля стр. 513). Опасность смѣшенія понятій и неправильныхъ заключеній начинается только при попыткахъ непосредственнаго перенесенія приемовъ и выводовъ исчисления отъ одной области при-

(*) По намекамъ Декарта и Бернулли, G. Boole (An investigation of the laws of thought) и St. Jevons (The principles of Science, a Treatise on Logic and Scientific Method.) пытаются теперь привести и всю формальную логику къ чисто механическимъ операциямъ въ формѣ особыхъ алгебраическихъ формулъ.

мѣненія къ другой и произвольнаго расширенія нагляднаго истолкованія математическихъ обозначеній и формулъ. Дебатирuemая въ новѣйшей математикѣ теорія о пространствѣ четырехъ и болѣе измѣреній протекаетъ именно изъ этого источника.

Аналитическое воззрѣнiе на прямую линiю, плоскость, на наше пространство (и плоскостное, по терминологiи Римана), какъ на частные случаи болѣе общихъ представленiй о кривой линiи, кривой поверхности и пространствѣ многихъ измѣренiй, подало поводъ къ разсужденiямъ, при которыхъ были совершенно упущены изъ виду особенности, ставящiя наши понятiя о прямой, о плоскости, о пространствѣ, въ такой классификаци. Наши мыслительныя способности организованы такимъ образомъ, что единственнымъ путемъ для достиженiя какого-либо безошибочнаго вывода служить для насъ раздѣленiе каждаго явленiя на самыя простыя, далѣе неразложимыя элементы, и излѣдованiе отдѣльнаго дѣйствiя каждой предполагаемой причины (силы), на основанiи аксиомы: нѣтъ дѣйствiя безъ причины. Въ логическомъ развитiи геометрическихъ представленiй по этому пути, прямая линiя, плоскость, пространство, являются для насъ не частными случаями болѣе общихъ формулъ непрерывностей многихъ перемѣнныхъ, а непосредственно развитiемъ бесконечно малыхъ элементовъ (дифференциаловъ) линiи, плоскости, объема, въ направленiи и условiяхъ возникновенiя самихъ этихъ элементовъ, независимо отъ влiянiя какой либо внѣшней причины, измѣняющей это направленiе, эти условiя. Наше представленiе о пространствѣ совпадаетъ

съ понятіемъ о средѣ абсолютно безразличной ко всему совершающемуся въ ней, но никакъ не съ представленіемъ о средѣ, которая можетъ такъ или иначе вліять на развитіе сказанныхъ элементовъ. Такъ, въ теоретической механикѣ, мы рассматриваемъ всѣ движенія тѣлъ, какъ будто бы онѣ происходили въ пустомъ пространствѣ, и затѣмъ уже вводимъ въ наши вычисленія вліяніе плотности, эластичности среды, въ которой находятся движущіяся тѣла. Наше представленіе о пространствѣ есть только представленіе условія неограниченной свободы безпредѣльнаго движенія по всѣмъ мыслимымъ направленіямъ; поэтому, пространство есть для насъ непрерывность только трехъ измѣреній, ни болѣе, ни менѣе, не вслѣдствіе свойствъ среды или свойствъ нашего организма, а на основаніи чисто логическомъ, такъ какъ представленіе пространственнаго элемента развивается не изъ какихъ либо специфическихъ опредѣленій основного неразложимаго для насъ представленія — д в и ж е н і я , а изъ самого общаго, ничѣмъ неограниченнаго представленія такого движенія изъ каждой произвольно взятой точки, при которомъ бы ничто не исключалось и все захватывалось. Результатъ такого всеобъемлющаго движенія отъ взятой точки есть тѣлесное пространство, въ которомъ всѣ мыслимыя направленія получаютъ свое выраженіе въ разнообразіи мѣры и группировки положительныхъ и отрицательныхъ величинъ трехъ основныхъ направленій. Пространство трехъ измѣреній есть единственно мыслимое и единственно возможное проявленіе, въ каждой точкѣ, самаго общаго опредѣленія бытія, того-что есть. Оно есть логическое послѣдствіе поставленія

въ соотношеніе двухъ предѣльныхъ представленій: безсодержательной математической точки и всеобъемляющаго всего, — точки, въ которой бытіе сведено къ нулю, или, лучше сказать, къ одному опредѣленію относительнаго мѣста возможнаго около этой точки движенія, и всего, то есть представленія о томъ — что все обнимаетъ, все въ себѣ содержитъ, и внѣ котораго — нѣтъ ничего.

Непрерывный переходъ отъ одной крайности къ другой, даетъ намъ представленіе самаго общаго опредѣленія бытія въ образѣ замкнутаго отовсюду пространства, въ которомъ все мыслимое разнообразіе фазисовъ этого перехода отъ нуля до безконечности исчерпывается математически измѣненіемъ трехъ основныхъ величинъ — трехъ измѣреній. По этому, говорить о какомъ либо другомъ пространствѣ, большаго или меньшаго числа измѣреній, также мало умѣстно, какъ говорить о цѣломъ безъ его составныхъ частей, о треугольникѣ безъ угловъ и сторонъ и т. п. Также точно, какъ представленіе о фигурѣ съ двумя только сторонами или четырьмя будетъ представленіе не треугольника, а иного чего, угла или четырехугольника, также точно и представленію о чемъ то имѣющемъ два или четыре измѣренія будетъ соответствовать не пространство, а нѣчто иное, существенно отличное отъ него: въ первомъ случаѣ — плоскость, какъ предѣлъ пространственныхъ измѣненій въ одномъ направленіи, соответственно одному только измѣренію; во второмъ случаѣ, представленію нашему будетъ соответствовать какой либо физическій процессъ, въ которомъ переходъ отъ центра къ периферіи представляется подверженнымъ вліянію времени

или среды. Понятіе о средѣ и есть понятіе о пространствѣ не индеферентномъ къ совершающимся въ немъ движеніямъ. и такую среду мы можемъ представлять себѣ какого угодно числа измѣреній, четырехъ, пяти и т. д. Но измѣренія эти, хотя и доступныя выраженію въ пространственныхъ величинахъ, вовсе неоднородны съ измѣреніями пространства, прямолинейными и тройственными по существу своему. Переходы отъ одной точки къ другой въ такой средѣ мы можемъ представлять себѣ возможными только въ формѣ той или другой кривой линіи, а самая среда можетъ быть воображаема ограниченною тою или другою поверхностью конечныхъ размѣровъ, въ противоположность представленію о пространствѣ идеально безграничномъ.

Безграничность эта неизбѣтъ впрочемъ никакого отношенія къ трансцендентнымъ вопросамъ о конечности или безконечности вселенной. Безграничность пространства есть только идеальное, логическое условіе самаго понятія о пространствѣ, между тѣмъ какъ разумное рѣшеніе космологическаго вопроса можетъ быть основано только на данныхъ опытнаго знанія о вселенной. Пытаться замѣнить недостатокъ такихъ данныхъ смѣлыми гипотезами, въ родъ той, которою надѣлалъ въ свое время много шуму г. Целльнеръ (*Über die Natur der Kometen*), могутъ только ученые обладающіе большею степенью смѣлости, чѣмъ сообразительности. Даже достоинство совершенной новости—очень рѣдко принадлежитъ въ наше время подобнымъ произвольнымъ предположеніямъ: зависима болѣе отъ смѣлости фантазій, чѣмъ отъ запаса положительныхъ знаній, предположенія эти являют-

ся весьма рано въ исторіи науки, производятъ впечатлѣніе своею необычайностью, и затѣмъ забываются почти безслѣдно, для того-чтобы чрезъ болѣе или менѣе продолжительное время снова продѣлать подобную же карьеру. Такъ, возрѣнія аналогическія новѣйшимъ гипотезамъ гг. Римана, Целльнера о четырехмѣрности пространства, высказывались уже двѣсти лѣтъ тому назадъ англійскимъ мистикомъ Генрихомъ Моромъ (*Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie* 1877, 1. H. стр. 115). Несмотря на то, что не только всѣ извѣстные человѣку факты естествознанія на землѣ, но и доступныя намъ наблюденія въ сидерическихъ пространствахъ не даютъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ полномъ согласіи съ законами реального міра нашихъ логическихъ опредѣленій пространства, г. Целльнеръ находитъ всетаки возможнымъ предполагать, что наше представленіе о пространствѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности только въ извѣстныхъ предѣлахъ, — далѣе же — выступаетъ недоступный наглядному представленію характеръ пространства четырехъ измѣреній, въ которомъ аксіомы Эвклида теряютъ свое значеніе: сумма угловъ въ треугольникѣ не равна 180° и параллельныя линіи сходятся. Въ такомъ пространствѣ движеніе совершается не съ абсолютной свободой, какъ въ Эвклидовскомъ пространствѣ, а видоизмѣняется самымъ свойствомъ трансцендентнаго пространства такимъ образомъ, что кривая линія, описываемая каждою точкою движущагося тѣла, возвращается сама на себя, и движеніе представляется безконечнымъ въ конечныхъ предѣлахъ. Разъясняя несостоятельность этой гипотезы, Вундтъ справедливо замѣчаетъ,

что“ опроверженію она собственно и не подлежитъ; нельзя себѣ и представить тѣхъ условій, при которыхъ могло бы обнаружиться противорѣчіе этой гипотечы съ нашими представленіями о пространствѣ и о физическихъ свойствахъ тѣлъ, такъ какъ трансцендентное свойство пространства предполагается существующимъ только въ удаленіи, выходящимъ далеко изъ круга человѣческихъ ощущеній. Еслибы мы даже вообразили себя пролетающими эти трансцендентныя пространства, въ которыхъ тѣла должны измѣнить свою форму и величину смотря по занимаемому ими положенію, то всетаки и тогда эти измѣненія оставались бы недоступными наблюденію, такъ какъ, вмѣстѣ съ прочими тѣлами, и наше тѣло, и наши органы, претерпѣвали бы соотвѣтствующія измѣненія, и намъ казалось бы, что все происходитъ точно также — какъ и въ нашемъ Эвклидовскомъ пространствѣ“ (Wundt über das Kosmog. Problem. Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie 1tes H. стр. 110). Указывая на такую безконтрольность гипотезъ о сущности того, что намъ вовсе недоступно, уже Фехнеръ замѣтилъ, (Kleine Schriften von Dr. Mises, стр. 225), что такимъ же образомъ — какъ сейчасъ объяснено о пространствѣ — можно поступить и со временемъ, замѣнивъ его тревожную и непостижимую для насъ конечность гипотезою возврата на самое себя. — Правда, весь этотъ міровой процессъ будетъ очень походить на весьма скучное верченіе бѣлки въ колесѣ, но за то, цѣною этой скуки, мы приобретаемъ неоцѣнимыя удобства: налаженный такимъ образомъ космосъ мы можемъ представлять себѣ, по

желанію, увеличеннымъ, или сокращеннымъ, уходящимъ въ безконечность отъ контролирующаго взора здраваго смысла, или помѣщающимся въ нашемъ жилетномъ карманѣ, для наблюденія при удобномъ случаѣ, при подходящемъ настроеніи нашей фантазіи. И пусть читатель не думаетъ, что это только шутка съ нашей стороны. Какъ мы увидимъ дальше, г. Целльнеръ осуществилъ вполнѣ эту шутку на дѣлѣ. Выступивъ въ 1869 году съ гипотезою о трансцендентныхъ свойствахъ пространства внѣ предѣловъ человѣческаго наблюденія, онъ теперь уже перенесъ эту трансцендентность прямо въ область того — что немцы такъ и называютъ — *Taschenspielkunst*, — въ область чудесъ въ карманѣ. Риманъ, котораго работы дали главный толчокъ этимъ теоріямъ, самъ сначала чувствовалъ, что въ этой области мышленія каждый шагъ требуетъ величайшей осмотрительности. Въ своей статьѣ *Über die Hypothesen welche der Geometrie zu Grunde liegen*, Риманъ говоритъ сначала не о тѣлахъ многихъ измѣреній, а о *Mannigfaltigkeiten höherer Ordnung*, т. е. просто о реальностяхъ зависящихъ отъ многихъ переменныхъ; а Гельмгольцъ, въ своемъ трудѣ *Über die thatsächlichen Grundlagen der Geometrie*, приводитъ въ примѣръ такихъ реальностей — явленія свѣта, звука. Въ такомъ же смыслѣ употребляетъ терминъ - непрерывность (*Continuum*) высшаго порядка и Вундтъ въ своихъ *Grundzüge der Physiol. Psychologie* стр. 689), приводя въ примѣръ непрерывности четырехъ измѣреній опредѣленіе свѣтовыхъ ощущеній по цвѣту, его яркости, интенсивности и продолжительности освѣщенія. Въ этомъ смыслѣ наглядное истолкованіе формуль съ четырьмя

и болѣе переменными вполне законно. Къ сожалѣнію однако, дѣло на этомъ не остановилось не только у позднѣйшихъ послѣдователей Римана, но и у него самаго. Подъ вліяніемъ повидимому превратнаго пониманія Канта, явились ничѣмъ неоправдываемыя попытки къ насильственно — пространственному истолкованію формулъ со многими переменными. Сознаваясь, подобно г. Вутлерову, въ своей некомпетентности въ философскихъ изслѣдованіяхъ, Риманъ тѣмъ не менѣе беретъ за опредѣленіе понятія о величинѣ многихъ протяженій (*Begriff einer mehrfach ausgedehnten Grösse*). Чтобы убѣдиться въ совершенной несообразности этого выраженія, необходимо принять во вниманіе, что тотъ же Риманъ (въ отдѣлѣ *Plan der Untersuchung*) признаетъ, что «свойства, отличающія пространственныя величины отъ другихъ мыслимыхъ величинъ трехъ измѣреній, почерпаются исключительно изъ опыта». Очевидно поэтому, что если опытъ даетъ возможность возникновенія понятія о пространственныхъ величинахъ только трехъ протяженій, то говорить о величинѣ большаго числа протяженій — есть чистый абсурдъ, такъ какъ самое понятіе о протяженіи почерпается только изъ пространственныхъ представленій, и — внѣ ихъ — имѣетъ смыслъ не протяженіе, а просто величина. Но съ такою поправкою, приведенное выше выраженіе Римана превратилось бы въ слѣдующее: *Begriff einer nfach grossen Grösse*, понятіе о многовеличинной величинѣ!

Очевидно такого выраженія Риманъ не употребилъ бы, слѣдовательно не написалъ бы и своей диссертациі на тему, почерпнутую, какъ онъ самъ сознается, изъ краткихъ

наисковъ господина Тайнаго Придворнаго Совѣтника Гаусса. Не лишне будетъ при этомъ добавить, что объясненное насилственное истолкованіе четвертой переменнй (въ формулахъ съ четырьмя переменными), тѣмъ менѣе можетъ быть оправдано, что для этой переменной имѣется на виду готовое и вполне подходящее наглядное значеніе. Если исходить изъ той точки зрѣнія, что наше представленіе о пространствѣ обуславливается ограниченностью нашей природы, если допускать, какъ дѣлаетъ Целльнеръ, сравненіе этихъ представлений съ тѣнями Платона (въ началѣ 7 книги о Государствѣ), то ближе всего обратиться къ объясненію нашихъ представлений о тѣлахъ, какъ о результатѣ движенія или вообще измѣняемости во времени чего-то недоступнаго нашимъ чувствамъ, Кантовской вещи самой по себѣ (Ding an sich). При такомъ истолкованіи, четвертая переменная будетъ имѣть значеніе времени или функціи времени, т. е. величины, находящейся въ зависимости отъ времени. Въ этомъ смыслѣ, извѣстный математикъ Лагранжъ и называетъ время четвертымъ измѣреніемъ пространства. Присутствіе въ формулѣ переменной съ такимъ значеніемъ можетъ служить для выраженія пространственныхъ элементовъ этой формулы (координатъ), растяжимости пространства и всего — что въ немъ находится. Такое истолкованіе очевидно представлялось и Гельмгольцу въ его статьѣ *Über den Ursprung und die Bedeutung der Geometr. Axiome* (Popul. wissenschaftliche Vorträge 3tes H. стр. 44). Что касается насъ самихъ, т. е. человѣка, его физической и психической жизни, то для него, еще съ большимъ правомъ — нежели для другихъ предметовъ,

можетъ быть допущено названіе величины четырехъ переменныхъ въ объясненномъ выше смыслѣ, т. е. принимая четвертою переменною—время. Вслѣдствіе вліянія этой переменной, онъ сегодня не тотъ-что былъ вчера, изъ ребенка онъ дѣлается человѣкомъ, изъ полной умственной зрѣлости впадаетъ снова въ дѣтство, изъ полезнаго, уважаемаго ученаго дѣлается поборникомъ спиритизма, самыхъ нелѣпыхъ ребяческихъ воззрѣній, переходя такимъ образомъ изъ области рациональныхъ явленій—въ пространную область величинъ воображаемыхъ, мнимыхъ. Я невольно позволилъ себѣ это полущуточное сравненіе подъ впечатлѣніемъ характеристическихъ фактовъ въ исторіи возникновенія и развитія пресловутыхъ теорій о пространствѣ четырехъ и болѣе измѣреній. Въ исторіи этой шутка играла первостепенную роль. Въ своемъ первомъ юношескомъ произведеніи, *Gedanken von der wahren Schätzung der lebendigen Kräfte*, Кантъ, которому было тогда всего 23 года, не задумался между прочимъ порѣшить, не прибѣгая ни къ какимъ доказательствамъ, во первыхъ, «что еубстанции въ существующемъ мірѣ имѣютъ основныя (*wesentliche*) силы такого рода, что они (т. е. субстанции) въ соединеніи между собою распространяютъ дѣйствіе обратно пропорціонально квадрату разстоянія; во вторыхъ, что цѣлое отсюда происходящее имѣетъ вслѣдствіе этого закона свойство тройной протяжимости; въ третьихъ, что законъ этотъ произволенъ, и Богъ, вмѣсто него, могъ бы избрать и другой какой либо, напр. законъ дѣйствія обратно пропорціонально кубу разстоянія; и наконецъ въ четвертыхъ, что иной законъ послужилъ бы основаніемъ и

для протяженія (Ausdehnung) съ другими свойствами и измѣреніями (Dimensionen). Наука о всѣхъ такихъ возможныхъ родахъ пространства была бы навѣрно наивысшая геометрія, какую могъ бы предпринять конечный разумъ. Если возможно существованіи иныхъ измѣреній (Dimensionen), то весьма вѣроятно, что «Вогъ гдѣ либо и устроилъ таковыя». — «Въ предшествующемъ я показалъ, что множество міровъ въ метафизическомъ смыслѣ, могутъ существовать, но здѣсь же вмѣстѣ съ этимъ и единственное условіе, при которомъ, какъ мнѣ кажется было бы весьма вѣроятно, что множество міровъ и дѣйствительно существуютъ» (Kant's Werke Band V стр. 25., у Целльнера стр. 220 и 221). — Вся эта мудрость, на трезвый взглядъ нашего времени, по крайней мѣрѣ людей «свергнувшихъ съ себя иго несовершенности», какъ требуетъ г. Бутлеровъ по совѣту самого же Канта и Целльнера (Русск. Вѣст. стр. 971.), — не болѣе какъ весьма наивно — самоувѣренный наборъ словъ, безъ малѣйшей тѣни серьезнаго значенія. Кто теперь (кромя разумѣется тѣхъ, для которыхъ все — что добыто человечествомъ со временъ Канта — не болѣе какъ научное суетѣріе, какъ говорятъ гг. Бутлеровъ и Целльнеръ), позволилъ бы себѣ, въ серьезномъ научномъ трудѣ, или даже въ кругу серьезно образованныхъ людей, сказать, что свойство предмета слѣдуетъ производить отъ того-что заключаетъ въ себѣ въ полнотѣ всѣ основы самаго предмета, т. е. отъ его трансцендентальной субстанціи* (Ding an sich)? — кто

(*) И самому Канту въ болѣе зрѣломъ возрастѣ эта трансцендентальная субстанція представлялась уже не какъ ничто самосто-

позволить себѣ разсуждать о томъ что Богъ могъ бы сдѣлать, и изъ этого вывести заключенія, что онъ и сдѣлалъ это гдѣ либо, и затѣмъ рекомендовать, какъ наивысшую науку, голыя умозрѣнія о всѣхъ этихъ возможностяхъ?—

Всѣ подобныя юношескія грѣхи въ эпоху Беркелевскаго идеализма можно простить 22-хъ лѣтнему философу, изъ котораго въ послѣдствіе долженъ выработаться творецъ Критики Чистаго Разума; выставлать ихъ чѣмъ то серьезнымъ, указывать, какъ основу сужденія въ наше время—можно только лишь шутя или изъ желанія прикрыть собственные грѣхи авторитетомъ великаго человѣка, какъ дѣлаетъ теперь Целльнеръ, упуская въ своемъ увлеченіи изъ виду, что даже и юноша Кантъ говоритъ о пространствѣ иныхъ

ятельно существующее, а какъ наше-же представленіе, также какъ и самое различіе между явленіемъ и вещью самой по себѣ (Ding an sich). Въ своемъ зрѣломъ и наиболѣе цѣнномъ для науки трудѣ (Kritik der reinen Vernunft), 1781 г., т. е. когда Канту было 57 лѣтъ), онъ уже признаетъ, что «пространство и время имѣютъ значеніе только для предметовъ чувствъ, и за этимъ предѣломъ ничего не представляютъ, такъ какъ они относятся только къ нашимъ чувствамъ и внѣ ихъ не имѣютъ никакой дѣйствительности» (§ 23), и что «представленія и понятія составляютъ элементъ нашего познаванія, такъ что ни понятія безъ соответствующихъ имъ какимъ либо родомъ представлений, ни представлений безъ понятій не могутъ служить источникомъ познаванія» (Krit. der reinen Vernunft стр. 50 цит. у Tobias, Grenzen der Phyllos. стр. 71. и 84). Вообще, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, Кантъ говоритъ только объ абсолютномъ пространствѣ, но никакъ уже не о многихъ пространствахъ, которыя Богъ можетъ быть гдѣ либо устроить.

измѣреній, какъ о существующихъ вѣроятно гдѣ либо, но вовсе не на томъ же мѣстѣ — гдѣ наше пространство трехъ измѣреній. Въ зрѣломъ возрастѣ, можетъ быть вспоминая о грѣхахъ своей юности, самъ Кантъ ярко изобличаетъ иллюзіи умозрѣнія, когда оно переходитъ за предѣлы опыта». «Оно отдѣляетъ сначала элементарныя познанія, принадлежащія разуму прежде всякаго опыта, но не всегда имѣющія приложение въ опытѣ. Постепенно оно вовсе оставляетъ эти предѣлы, и что можетъ мѣшать этому, когда оно совершенно свободно произвело свои начала изъ самаго себя? Далѣе оно переходитъ къ выдуманымъ вновь силамъ природы, потомъ къ существамъ имѣющимъ бытіе въ природѣ, кратко — къ міру, для построенія котораго не можетъ быть недостатка въ матеріалахъ, такъ какъ плодоносная фантазія доставляетъ ихъ въ изобиліи, и хотя не подтверждается, но никогда и не опровергается опытомъ (S. Prolegomena §. 36.).

Несмотря на такія предупрежденія со стороны самаго Канта, юношеская мечта его о пространствѣ многихъ измѣреній была подхвачена въ наше время рыцарями его поклонниками и приведена прямо къ примѣненію. Молодые приватдоценты, съ патентомъ на гениальность или крайней мѣрѣ на талантливость, лѣзли изъ кожи, чтобы сдѣлаться творцами той наивысшей геометріи многомѣрныхъ пространствъ, вѣроятно устроенныхъ гдѣ либо Господомъ Богомъ, о которой мечталъ 22-хъ лѣтній Кантъ. Одного изъ величайшихъ математиковъ нашего вѣка, Гаусса, самого занимала мысль о геометріи абсолютнаго пространства, хотя онъ, какъ видно

изъ его *Theoria residuorum biquadraticorum* (Gauss Werke, В. II стр. 177, у Целльнера стр. 277.) вовсе не раздѣлялъ мнѣнія Канта по этому предмету: Осуществленіе той геометріи, о которой мечталъ Кантъ, онъ считалъ удобнѣйшимъ предоставить г.г. Лобачевскому, Риману, оставаясь самъ въ чисто шуточномъ отношеніи къ этимъ упражненіямъ въ математическомъ остроуміи. Сарторіусъ-фонъ-Вальтерсгаузенъ приводитъ по этому случаю слѣдующія слова Гаусса: »мы «можемъ (?) представить себѣ мнѣнно существа сознающія «только два измѣренія; выше насъ стоящія существа можетъ быть смотреть на насъ точно такимъ же образомъ, «и я, продолжаетъ Гауссъ шутя, отложилъ себѣ здѣсь «нѣкоторыя задачи, которыя предполагаю разсмотрѣть въ «последствіи, въ высшемъ мірѣ.» (Целльнеръ стр. 251.) Очевидно, еслибы Гауссъ въ самомъ дѣлѣ считалъ теорію о пространствахъ многихъ измѣреній такою важною, какъ хотятъ теперь выставить г. Целльнеръ и его единомышленники, то онъ самъ, знакомый съ вопросомъ болѣе 50 лѣтъ, посвятилъ бы ему какую либо долю своей долготѣной ученой дѣятельности. Неужели бы онъ предоставилъ ученическимъ упражненіямъ своихъ слушателей разработку наивышей, по Канту, геометріи, которая должна перевернуть верхъ дномъ всѣ наши понятія, открывъ намъ частію уже теперь то, что вѣрующіе чають узнать только за гробомъ? Подобное предположеніе кажется намъ совершенно невѣроятнымъ, а съ другой стороны—совершенно естественнымъ, что на призывъ библейскаго: будете яко же боги—пошелъ не Гауссъ или кто либо другой изъ современныхъ ему великихъ мате-

матиковъ, а геніальничающая молодежь и второстепенные ученые, привыкшіе ловить на лету каждое слово великихъ людей и давать неподобающее значеніе каждой обмолвкѣ ихъ. Такъ и смотрѣли на это дѣло умнѣйшіе изъ современниковъ возникновенія теорій пространства многихъ измѣреній. Фантазіи эти были остроумно осмѣяны еще въ 1846 году извѣстнымъ физикомъ (Авторомъ психо-физическаго закона) Фехнеромъ въ его брошюрѣ (*Vier Paradoxe*), гдѣ между прочимъ юмористически доказывается тезисъ: «пространство имѣеть четыре измѣренія».

Вотъ въ этихъ то фантастическихъ теоріяхъ профессоръ Астро-физики Лейпцигскаго уиверситета Ф. Целльнеръ додумался найти оправданіе для своихъ наклоностей къ ученію Сведенборга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объясненіе ловкой продѣлки съ нимъ американскаго медиума Слэда. Разумѣется, для гг. Аксакова и Бутлерова—г. Целльнеръ былъ драгоценною находкою, и они поспѣшили оповѣстить русскую публику, съ помощію С.-Петербургскихъ Вѣдомостей и Русскаго Вѣстника, о великомъ событіи: истина спиритизма доказана научно, теоретически и экспериментально, «человѣкомъ занимающимъ весьма видное мѣсто между германскими учеными»; «г. Целльнеру принадлежитъ безспорно честь поставить медиумизмъ въ прямую связь съ научною теоріей» (Русскій Вѣстникъ стр. 970).—Очевидно, что вопросъ рѣшенъ окончательно и безповоротно. Сомнѣваться въ этомъ, продолжать споръ могутъ только люди проникнутые «научнымъ суевѣріемъ», у которыхъ просто пусто въ головѣ (*klingt hohl im Kopfe*), по выраженію г. Целль-

нера, и здравомыслящей публикѣ остается только послѣдовать совѣту величайшаго философа Канта, и сбросивъ съ себя «иго несовершеннолѣтія» (Русскій Вѣстникъ стр. 971.), цѣликомъ отдать себя въ распоряженіе гг. Слэда и К°.

Легко представить себѣ, какое вліяніе должны произвести подобныя утвержденія со стороны профессора и члена Академіи Наукъ, извѣстнаго многими почтенными трудами, на массу публики, жадной ко всему новому, необычайному, и не имѣющей никакой возможности провѣрить истину философскихъ и математическимъ теорій. Но нѣтъ худа безъ добра. Г. Бутлеровъ не могъ сдѣлать лучшаго выбора для того-чтобы дать намъ возможность на живомъ примѣрѣ прослѣдить всѣ условія прививчивости, всю эмбриологію спиритической проказы. За это нельзя не поблагодарить г. Бутлерова. Зарекомендованный имъ экземпляръ ученаго—спирита имѣетъ еще и другое драгоценное качество, совершенно отсутствующее у самаго г. Бутлерова, несмотря на заявляемое имъ пренебреженіе къ общественному мнѣнію, къ обвиненію его въ распространеніи предразсудковъ (стр. 971. Рус. Вѣс). Г. Целльнеръ до того наивенъ въ своемъ увлеченіи, что въ своей книгѣ самъ даетъ обильнѣйшій матеріалъ для его обличенія, для указанія его ошибокъ и недомыслий,— между тѣмъ какъ г. Бутлеровъ тщательно замечаетъ за собою всѣ слѣды, умываетъ руки и слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность въ правильности воззрѣній, такъ страстно защищаемыхъ г. Целльнеромъ (стр. 946 и 970 Рус. Вѣст.). Считаая его достаточно огражденнымъ отъ слишкомъ строгой критики вмѣненіемъ публикѣ въ обязанность вели-

чайшей осторожности при разборѣ идей, подкрѣпленныхъ громкими именами (стр. 946 Рус. Вѣс.), г. Бутлеровъ является какъ бы простымъ репортеромъ, индифферентнымъ къ самому дѣлу; онъ дозволяетъ себѣ бросать бранью въ своихъ противниковъ только изъ за угла, изъ за ширмы чужихъ словъ, словъ самаго г. Целльнера или кого либо изъ цитируемыхъ имъ авторовъ (стр. Рус. Вѣст). Поэтому, мы и оставимъ пока г. Бутлерова за этими ширмами, и обратимся прямо къ выставленному имъ за себя г. Целльнеру.

«Видное мѣсто между германскими учеными» г. Целльнеръ занялъ не столько своими дѣйствительными учеными заслугами, сколько благодаря громкому въ ученомъ мѣрѣ скандалу его нападокъ на такихъ ученыхъ—какъ Дюбуа-Ремонъ, Гельмгольцъ, Томсонъ, Тиндаль. Какъ видно изъ собственныхъ показаній Целльнера, ему пришлось оправдываться противъ обвиненій въ клеветѣ и недобросовѣстности, противъ приговора Гельмгольца о томъ, что онъ »пользуется нечистыми средствами«, что онъ »не очень разборчивъ въ выборѣ средствъ для нападенія« (Wissenschaftliche Abhandlungen стр. 171.), а »для маскированія слабости своихъ метафизическихъ вѣрованій—набрасывается на разоблаченіе воображаемыхъ грубыхъ ошибокъ своихъ противниковъ, обвиняя большинство современныхъ представителей точныхъ наукъ въ непониманіи первыхъ началъ теоріи познания« (тамъ же стр. 345.). Какъ мы сейчасъ увидимъ, самъ же г. Целльнеръ и позаботился о томъ, чтобы представить публикѣ обильныя доказательства совершенной справедливости той характеристики, которая дана ему въ приведенныхъ сейчасъ

отзывахъ Гельмгольца. Въ статьѣ *Über die Grenzen des Naturerkennens*, направленной противъ Непремѣннаго Секретаря Берлинской Академіи Наукъ и Ректора Берлинскаго университета Дю - Буа - Ремона, онъ не остановился предъ самыми гнусными инсинуаціями (*Wissenschaftliche Abhandlungen* стр. 328, 377, 378), вызывая къ чувствамъ племенной неприязни (стр. 372) противъ французскаго выходца, котораго онъ уподобляетъ гальскому тирану Наполеону (стр. 364 и 368), — въ религиознымъ чувствамъ короля, стараясь преклонить на свою сторону его и Бисмарка запугиваніемъ и неуклюжею лестью (стр. 412, 381, 382), и указывая для несчастнаго Дю - Буа - Ремона дорогу прямо на дно Рейна (стр. 377 и 410). Трудно представить себѣ что либо отвратительнѣе этого злобнаго доноса, живо напоминающаго приемы нашего Магницкаго и подобныхъ ему ревнителей истиннаго просвѣщенія. Такова нравственная характеристика рекомендуемаго намъ гг. Аксаковымъ и Бутлеровымъ свѣтила научнаго спиритизма. Приговоръ о научныхъ достоинствахъ теорій г. Целльнера, послужившихъ почвою для позднѣйшаго превращенія его въ спирита, произнесенъ Гельмгольцемъ, признавшимъ г. Целльнера большимъ (I. c. стр. 198), и другими профессорами Берлинскаго университета, указывавшими для него приличное мѣсто въ домѣ сумашедшихъ (стр. 170), и наконецъ Вундтомъ (въ его *Phys. Psychologie* стр. 690). «Предположенія, говоритъ Вундтъ, подобныя тому, что существующій міръ, можетъ быть, принадлежитъ пространству многихъ измѣреній (Целльнеръ *Über die Natur der Kometen* стр. 305), не могутъ быть допущены.

AR

Fr. R. Kreutzwaldi
nim. ENSV Riiklik
Raamatukogu

Какое бы мы ни имѣли воззрѣніе на отношеніе между нашими представленіями и дѣйствительною натурою вещей, ч.когда нельзя оправдать мнѣнія, что мы должны существующее представлять иначе—чѣмъ мы вообще можемъ представлять его себѣ. Теоріи о сущности матеріи, къ которымъ приводитъ наука, могутъ значительно расходиться съ кажущимся нашихъ непосредственнымъ впечатлѣній, какъ это и бываетъ на дѣлѣ, но теоріи эти никогда не могутъ вести къ предположеніямъ несообразнымъ съ нашими общими представленіями пространства и времени. Изъ непредставляемаго никогда не можетъ исходить доступное представленію».

Этого одного приговора въ сущности было бы достаточно для характеристики теорій г. Целльнера; но такъ какъ вся его статья «О дѣйствіяхъ на разстояніи» (Wissenschaftl. Abhandl. стр. 16—288) построена на ссылкахъ на величайшіе авторитеты въ наукѣ, то въ отстраненіе всякихъ сомнѣній въ правильности сужденій Гельмгольца, Вунда и др., необходимо разсмотрѣть подробнѣе, на сколько справедливо показаніе г. Бутлерова, будто бы путь, по которому идетъ г. Целльнеръ, проложенъ Кантомъ, Ньютономъ, Гауссомъ,—и не употребляетъ ли г. Целльнеръ всеу всѣ эти громкія имена. Это будетъ полезно и въ томъ отношеніи, что такимъ путемъ предъ читателемъ предстанетъ въ живомъ образѣ основное условіе, сдѣлавшее возможнымъ для г. Целльнера (и вѣроятно и для другихъ ученыхъ) паденіе въ спиритизмъ. Условіе это, какъ читатель сейчасъ увидитъ, заключается въ способности — очевидно болѣзненной — видѣть во всемъ

только самого себя, находить въ фактахъ и въ словахъ только то - что желательно для подтвержденія любимыхъ теорій, упускать изъ виду все-что противорѣчитъ имъ, а если нужно — то гнуть и ломать факты и слова, какъ требуется для предвзятой цѣли. Нѣтъ ничего удивительнаго, если, при такомъ умственномъ настроеніи, даже первостепенный ученый впадетъ въ самое грубое заблужденіе, снизойдетъ до уровня невѣжественной черни или людей умопомѣшанныхъ. — Операция свои г. Целльнеръ начинаетъ съ Ньютона. Онъ пожелалъ найти у этого великаго генія подтвержденіе своей мысли, что тѣла дѣйствуютъ одно на другое чрезъ разстояніе ничѣмъ ненаполненное (Vacuum) безъ всякаго посредствующаго агента, единственно вслѣдствіе особой силы, заключающейся въ самыхъ матеріальныхъ частицахъ. Руководимый этимъ желаніемъ, онъ находитъ искомое въ слѣдующихъ словахъ Ньютона, діаметрально противоположнаго смысла: «Чтобы тяготѣніе было прирожденно (innat.) матеріи и составляло ея внутреннее существенное свойство, такъ чтобы тѣла дѣйствовали одно на другое на разстояніи чрезъ пустое пространство (vacuum), безъ посредства чего либо такого, чрезъ что и посредствомъ чего—дѣйствіе и сила направлялась бы отъ одного тѣла къ другому,— это составляетъ для меня такую нелѣпность, на которую, мнѣ кажется, не можетъ попасть ни одинъ человекъ, въ которомъ можно предполагать компетентную способность сужденія о философскихъ предметахъ» (Письмо Ньютона къ Бентлею, у Целльнера I. с. стр. 22.). Мало этого, г. Целльнеръ самъ же приводитъ далѣе (стр. 23) слова Брустера, о позднѣй-

шемъ непосредственномъ предположеніи Ньютона о существованіи эфира, — вещества безконечно тонкаго и эластическаго, наполняющаго непрерывно пространство, и служащаго непосредственной причиною явленій тяготѣнія, — и, несмотря на все это, умудряется всетаки утверждать, что Ньютонъ говорилъ и думалъ не такъ — какъ заключить всякій здравомыслящій изъ приведенныхъ его словъ и какъ понимали всѣ лучшіе умы эти слова, а въ діаметрально противоположномъ смыслѣ, смыслѣ предвзятыхъ теорій г. Целльнера.

Затѣмъ, всѣ несогласующіеся съ такимъ воззрѣніемъ г. Целльнера обвиняются имъ въ непониманіи дѣла, въ умственной ограниченности, — имъ ставится чуть не въ преступленіе неблюденіе надъ кольцами табачнаго дыма (стр. 103), и наконецъ дѣло доходитъ до того, что приведенныя выше слова Ньютона, о нелѣпности предположенія въ тѣлахъ особой силы притяженія, цитируются какъ бы сказанныя именно о противникахъ этого предположенія (*); вслѣдъ за этимъ, съ величайшею развязностью, какъ ни въ чемъ не бывало, приводятся многословныя разсужденія (болѣе чѣмъ 60 стр) о томъ, какъ дурно и вредно извращать смыслъ чужихъ словъ, какъ необходимо добросовѣстно относиться къ чужимъ трудамъ, какъ неумѣстно въ наукѣ замѣнять знанія вѣрованіями, какъ гибельно распространеніе невѣрныхъ и неясныхъ понятій въ публикѣ и т. д.

(*) Для людей мало знакомыхъ съ современнымъ направленіемъ научныхъ физическихъ теорій противно воззрѣніямъ г. Целльнера, не лишне привести здѣсь слѣдующія слова Ламе въ заключеніи его *Théorie mathématique de l'élasticité*: «Нѣтъ возможности достигнуть

Съ землякомъ своимъ, Кантомъ, г. Целльнеръ поступаетъ —если возможно—еще безцеремоннѣе. Превознося его, какъ величайшаго, философа — естествоиспытателя (стр. 215), — по словамъ Целльнера даже единственнаго въ XVIII вѣкѣ, — онъ не задумывается выставлять на видъ самыя слабыя его стороны, извращать смыслъ его словъ, и наконецъ топтать это великое имя въ грязь позорнѣйшаго суетвѣрія, взводя на него чистую клевету вѣрованія, будто бы, въ чудеса Сведенборга. Только предъ изуродованнымъ такимъ образомъ Кантомъ—г. Целльнеръ воскуриваетъ ошкіамъ своего патристическаго поклоненія. Мы привели уже выше примѣръ ссылки г. Целльнера на юношескія фантазія Канта о пространствахъ многихъ размѣреній, которыя, вѣроятно, гдѣ ли бо устроены Господомъ—Богомъ. Черезъ это гдѣ ли бо, также какъ чрезъ всѣ позднѣйшія мысли Канта по этому предмету, г. Целльнеръ разумѣется перепрыгиваетъ, и не задумывается

полнаго объясненія физическихъ явленій не вводя въ дѣло этого дѣятеля (эфира), котораго присутствіе неизбежно. Нельзя сомнѣваться, что во вліяніи его заключается истинная причина явленій приписываемыхъ теплотѣ, электричеству, магнетизму, всеобщему притяженію, сдѣляемости частицъ, химическому средству, такъ какъ всѣ эти таинственныя силы не болѣе—какъ гипотезы для приведенія въ порядокъ нашихъ понятій, гипотезы безъ сомнѣнія полезныя для нашего невѣдѣнія, но подлежащія упраздненію съ успѣхами наукъ». Мы прибавимъ, словами Феликса Марко, что упраздненіе это почти и совершилось уже, благодаря трудамъ Гюйгенса, Юнга, Френеля, Біо, Арраго, Коши, Беллони, Карно, Майера, Жуля, Тэмсона, Клаузиуса, Гирна и др. См. Ф. Марко *L'unité dynamique des forces.*)

объявить, что пространство четырех измѣреній существуетъ тутъ-же, на землѣ, вмѣстѣ съ нашимъ обычнымъ пространствомъ трехъ измѣреній, и что нелѣпость эта—мнѣніе величайшаго философа естествоиспытателя Канта. Затѣмъ, цитируя слова Канта, въ которыхъ выражаются его вѣрованія въ Бога, загробную жизнь, въ нематеріальность человеческого духа (стр. 202), г. Целльнеръ смѣло даетъ этимъ словамъ толкованіе въ томъ смыслѣ, будто-бы Кантъ допускалъ существованіе особаго духовнаго (въ смыслѣ спиритическомъ) дѣятеля, обусловливающаго явленія притяженія, и т. п., и такой же смыслъ даетъ (стр. 202) и словамъ Ньютона о «нѣкоемъ тончайшемъ духѣ, проникающемъ грубыя тѣла» (*spiritu quodam subtilissimo corpora crassa pervadente*). Такое извращеніе дѣйствительнаго смысла словъ Канта и Ньютона дѣлается возможнымъ, благодаря тому, что г. Целльнеръ никогда не задумывается позабыть или опустить то, что противорѣчитъ его теоріямъ. Такъ, у Ньютона онъ позволяетъ себѣ перескочить чрезъ то мѣсто въ цитатѣ (*Newton, Philos. natur. Principia math. Lib. III, Sch. gener. Edit 3 1742 p. 676.*), гдѣ Ньютонъ говоритъ о колебательныхъ движеніяхъ этого тончайшаго духа (*vibrationibus hujus spiritus*), о возможности точнаго экспериментальнаго опредѣленія законовъ его дѣйствія (*-experimentorum, quibus leges actionum hujus spiritus accurate determinari et demonstrari debent*),—что, очевидно, указываетъ вовсе не на духъ въ смыслѣ спиритовъ, а только на нѣчто противопологаемое грубой матеріи (*corpora crassa*). Очевидно, что слово *spiritus* употреблено здѣсь—

какъ въ выраженіяхъ: spiritus vini, spiritus cornu cervi, и т. п., Weingeist, esprit de vin. Для матеріи вообще этотъ spiritus получилъ названіе эфира, и былъ признаваемъ самимъ же Ньютономъ, какъ мы сказали уже, дѣйствительной причиной необъяснимыхъ безъ того явленій притяженія. У Канта же, г. Целльнеръ не замѣчаетъ заявленія, что «онъ не знаетъ, существуютъ ли духи, и—болѣе того—не знаетъ, даже что такое означаетъ слово духъ» (стр. 200.), и что «духовное начало тѣсно соединенное съ матеріею дѣйствуетъ не на тѣ силы, которыми элементы поставляются во взаимное отношеніе, а на внутреннее ихъ состояніе» (стр. 201.). Изъ послѣднихъ словъ нельзя не усмотрѣть, что въ мысли Канта вліяніе предполагаемаго духовнаго начала не выходитъ изъ границъ «внутренняго принципа ихъ состоянія», не касаясь вовсе явленій отношенія тѣлъ одного къ другому, явленій составляющихъ исключительно всю область нашего познаванія.—Послѣ такой предварительной подготовки, г. Целльнеръ уже прямо тащитъ величайшаго мудреца всѣхъ временъ на поклоненіе предъ Сведенборгомъ. Выше было уже объяснено, что такое былъ Сведенборгъ, и для полноты обличенія г. Целльнера въ этой гнусной клеветѣ на Канта, намъ остается только указать на приведенное у него in extenso письмо Канта къ дѣвицѣ Кноблохъ, спрашивавшей его мнѣнія о Сведенборгѣ. Никто, кромѣ г. Целльнера, не могъ бы изъ него вычитать ничего—кромѣ изысканно вѣжливой уклончивости Канта заподозрить указанныхъ дѣвицею Кноблохъ свидѣтелей чудесъ Сведенборга въ обманѣ или въ большой глупо-

сти; Кантъ, послѣ всевозможныхъ вѣжливыхъ оговорокъ, своего мнѣнія о Сведенборгѣ вовсе не высказываетъ; зато въ другомъ мѣстѣ, какъ мы видѣли, открыто объявляетъ, что онъ не только не знаетъ есть ли духи, но даже непонимаетъ значенія слова духъ (I. с. 200 стр). Мало того, въ статьѣ о Сведенборгѣ, написанной въ 1766 году, Кантъ прямо признаетъ его помѣшаннымъ. Позднѣйшіе поклонники Сведенборга, пользуясь неправильно выставленнымъ годомъ въ биографіи Канта изданной Баровскимъ, старались доказать, будто бы статья эта писана ранѣе письма къ дѣвицѣ Кноблахъ. Но ни одинъ здравомыслящій человекъ не повѣритъ этому, какъ справедливо замѣчаетъ Шлейденъ такъ какъ въ письмѣ Кантъ поясняетъ, что онъ ничего еще не читалъ изъ сочиненій Сведенборга, но заказалъ одно изъ нихъ въ Лондонѣ;—въ статьѣ же пишетъ, что читалъ книгу Сведенборга, говоритъ о содержащемся въ ней вздорѣ и сожалѣеть, что выбросилъ за окно своихъ кровныхъ 7 ф. с. за такую дрянь (Шлейденъ, Этюды, стр. 188). Обо всемъ этомъ г. Целльнеръ находить удобнѣйшимъ умолчать, и затѣмъ, съ развязностью встало джентльмена—спирита, объявляетъ, что Кантъ былъ вполне убѣжденъ въ дѣйствительности чудесъ Сведенборга (I. с. стр. 198), а потому «никто не можетъ себя считать компрометированнымъ въ наукѣ вслѣдствіе вѣры въ такія вещи, которымъ вѣрилъ даже такой человекъ—какъ Кантъ»(*) (стр. 199).

(*) Можетъ быть не лишнее будетъ привести здѣсь отзывъ Льюиса по этому предмету. „Я только мимоходомъ упомяну объ отношеніяхъ Канта къ Сведенборгу, которыми такъ злоупотребляли

Приведенныхъ примѣровъ, полагаю, будетъ достаточно для наглядной характеристики пріемовъ г. Целльнера при истолкованіи словъ нужныхъ для него авторитетовъ, и его способности понимать, какъ слѣдуетъ, идеи Канта, Ньютона. Мы перейдемъ теперь къ характеристикѣ его разсудочныхъ силъ при истолкованіи фактическихъ данныхъ въ вопросахъ о натурѣ нашихъ представлений, о пространствѣ, измѣреніи величинъ, геометрическихъ формахъ, и т. п. Это будутъ для него тѣ пробы, которыхъ онъ считаетъ себя въ правѣ требовать отъ Томсона, Тиндаля, Максвелля, Гельмгольца, и вообще отъ всѣхъ не соглашающихся съ его воззрѣніями, для оправданія ихъ права на голосъ въ научныхъ вопросахъ (I. с. стр. 244 и 245). Читатель самъ увидитъ, на что болѣе можно положиться при сужденіи о научныхъ достоинствахъ г. Целльнера,—на эти-ли фактическія доказательства его полной умышленной несостоятельности, или на высокое о немъ мнѣніе такого же какъ и онъ спирита, г. Уеллеса, называющаго произведение г. Целльнера *Über die Natur der Kometen* «дѣлающимъ эпоху» (стр. 180),—то самое произведение, отзывы о которомъ Вундта, Гельмгольца и другихъ ученыхъ мы привели выше.

поклонники Сведенборга, увѣряя будтобы Кантъ удостовѣряетъ истинность Сведенборгова духовидѣнія. Ничего подобнаго небыло. Въ письмѣ о Сведенборгѣ Кантъ рассказываетъ два переданные ему случая духовидѣнія Сведенборга и говоритъ только, что не знаетъ—какъ опровергнуть ихъ, когда ихъ подтверждаютъ такіе почтенные свидѣтели; но ни гдѣ Кантъ самъ не подтверждаетъ этихъ духовидѣній, и въ своей антропологии ясно выражаетъ глубокое презрѣніе къ Сведенборгіанизму и ко всякаго рода бреднямъ. Льюисъ. Ист. Фил. перев. Спасовича стр. 567.

Для того-чтобы подыскать какую либо авторитетную прищѣпку для своихъ спиритическихъ бредней, г. Целльнеръ откопалъ у Канта и Гаусса по нѣскольку словъ по вопросамъ, затронутыхъ ими, какъ выражается Гауссъ, только случайно, и оставленнымъ въ неудовлетворительномъ видѣ впредь до окончательной обработки (стр. 269). Это—вопросы о параллельныхъ линіяхъ и о значеніи симметрическихъ фигуръ. Въ неясной постановкѣ этихъ вопросовъ г. Целльнеръ думаетъ найти выдающійся кончикъ абсолютнаго, доказательство несостоятельности нашихъ обычныхъ представлений о пространствѣ. Въ дѣйствительности однако, при прямомъ и трезвомъ отношеніи къ дѣлу, чаемые намеки на таинственное абсолютное, Ding an sich, исчезаютъ безслѣдно.

Являвшіяся у математиковъ издавна недоразумѣнія относительно природы параллельныхъ линій обусловливаются неправильною постановкою понятія о нихъ у Эвклида. Гауссъ (стр. 228 у Целльнера) говоритъ, что онъ, еще пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, сознавалъ несостоятельность 11^я аксіомы Эвклида;—но недоразумѣніе по этому поводу устраняется совершенно, по справедливому замѣчанію Д. С. Милля (Индукт. Лог. въ нѣмец. извлеч. Шилля стр. 396), если, вмѣсто опредѣленія параллельности равенствомъ 180 гр. внутреннихъ угловъ пересѣченія параллельныхъ съ третьею линіею, опредѣлить параллельность неизмѣнностью разстоянія между линіями лежащими въ одной плоскости. Вмѣсто—того чтобы сдѣлать эту поправку, Лобачевскій, Риманъ и др. принялись за проведеніе во что бы ни стало Эвклидовой аксіомы, и притомъ не только въ плоскости (которою собст-

венно ограничивается наглядное представление параллельности, — а вообще въ пространствѣ. Этимъ путемъ Лобачевскій пришелъ къ замѣнѣ простого нагляднаго, и-какъ сейчасъ объяснимъ — единственно правильнаго опредѣленія параллельности — высшимъ, предѣльнымъ опредѣленіемъ, по которому «линія параллельная данной прямой есть та, которая составляетъ предѣлъ между двумя классами прямыхъ проходящихъ чрезъ одну и ту же точку и лежащихъ въ одной и той-же плоскости съ данной прямой: тѣхъ, которыя пересѣкаютъ эту прямую и тѣхъ которыя ее не пересѣкаютъ» (Лобачевскій, теорія параллельныхъ линий, цитиров. у Льюиса, Вопросы о жизни и духѣ, рус. пер, стр. 426). — Мы не имѣемъ подъ рукою самаго сочиненія Лобачевскаго и потому не можемъ рѣшить, слѣдуетъ ли приписать ему самому(*) или ошибочному переводу несостоятельность такого опредѣленія. Данную прямую пересѣкутъ всѣ прямыя, лежащія съ нею въ одной

(*) Лобачевскій окончилъ свою жизнь съ состояніемъ слабоумія (Рус. Энцикл. Лекс. Березина ст. Лобачевскій). Г. Бутлеровъ которому, судя по его близкому знакомству съ Лобачевскимъ, это не могло быть неизвѣстно, находитъ однако удобнѣйшимъ умолчать объ этомъ печальномъ исходѣ автора геометріи четырехъ измѣреній. Мнѣ кажется, что на несчастномъ Лобачевскомъ оправдались вполнѣ слова Тиссандье: „Наша мысль находится въ такой тѣсной зависимости отъ нашего физическаго организма, что намъ никогда не проходятъ безнаказанно наши проступки противъ здраваго мысла и опыта. Вы думаете, что все дѣло ограничилось нѣсколькими парадоксами, одобреніе которыхъ польстило вашему самолюбію, — а между тѣмъ въ мозгѣ вашемъ остался глубокой слѣдъ ихъ, такъ что вы сами начинаете принимать ваши парадоксы за нѣчто серьезное и уже не замѣчаете своего заблужденія. Нѣжное вещество мозга сохраняетъ вѣрно слѣды вашихъ самыхъ тайныхъ грѣховъ и обнаруживаетъ ихъ предъ всѣми, когда вы менѣ всего ожидаете этого. Tissandier, Des, sciences occultes et du spiritisme, ст. 54).

плоскости за исключеніемъ одной только параллельной къ ней; разница между двумя группами прямыхъ, заключается вовсе не въ томъ, что одни пересѣкаютъ, а другіе не пересѣкаютъ данную прямую, а въ томъ, что пересѣченіе это будетъ для однихъ—съ правой стороны, а для другихъ—съ лѣвой, считая отъ той точки, чрезъ которую они все проходятъ. Но и за соотвѣтствующей этому замѣчанію поправкой, опредѣленіе Лобачевского всетаки должно быть признано вполне антиевклидовскимъ и отвергнуто, хотя и не по тѣмъ основаніямъ, которыя указываетъ Льюисъ. Чтобы вполне ясно уразумѣть это, необходимо обратиться къ самой сущности механизма нашихъ умозаключеній вообще и—геометрическихъ въ особенности. Сущность и цѣль всякаго умозаключенія—поставленіе въ необходимую связь какого-либо представленія съ доказанными и извѣстными (или по крайней мѣрѣ предполагаемыми такими) свойствами другого представленія. Для самаго разсуждающаго—это средство повѣрки работы собственной безсознательной мысли; — относительно же другого лица—это средство облегченія его умственной работы или средство подчиненія ея тому же порядку, какой она имѣетъ у лица излагающаго свои мысли, доказывающаго, убѣждающаго. Очевидно, что въ системѣ умозаключеній, поднимающихся постепенно отъ самыхъ простыхъ до болѣе и болѣе сложныхъ, болѣе и болѣе удаленныхъ отъ непосредственныхъ наглядныхъ представленій, началомъ должны послужить такія утвержденія, при сообщеніи которыхъ всякому человѣку—можно предполагать, что указываемыя въ нихъ представленія вполне всемімъ извѣстны, и въ воспроизведеніи

ихъ вездѣ и во всякое время не можетъ быть ни малѣйшаго различія отъ одного человѣка къ другому.

Но трудно убѣдиться, что вполнѣ удовлетворяютъ этому условію могутъ только такія представленія, которыя составляютъ продуктъ умственной дѣятельности самого человѣка, дѣятельности однообразной для всѣхъ людей, во всѣ времена и совершающейся въ извѣстномъ неизмѣнномъ порядкѣ, при помощи извѣстныхъ и неизмѣнно опредѣленныхъ приемовъ. Всякое иное представленіе, какъ бы оно наглядно ни было, не можетъ служить такимъ исходнымъ началомъ, такъ какъ относительно каждаго внѣшняго предмета всегда могутъ быть существенныя различія въ пониманіи отъ одного человѣка къ другому. Всѣ споры и недоразумѣнія относительно того, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ аксіомъ въ геометріи, и въ чемъ они должны состоять, исходятъ изъ неяснаго пониманія сейчасъ объясненныхъ основныхъ условій механизма нашихъ умозаключеній (ср. Бенъ, Дедуктивная и Индуктивная Логика, во фран. перев. Comraugé т. 2 стр. 310 и слѣд.). Недоразумѣнія эти еще увеличиваются недомолвками относительно содержания самой науки геометріи. Обыкновенно говорятъ, что это—наука о величинахъ измѣряемыхъ, ихъ свойствахъ, исчисленіи протяженій, площадей, объемовъ. По этому опредѣленію, невозможно себѣ и представить предѣловъ геометріи, такъ какъ очертанія внѣшнихъ предметовъ и фигуръ въ плоскости и въ пространствѣ бесконечно разнообразны. Дѣло въ томъ, что геометрія имѣетъ непосредственно дѣло вовсе не съ этими бесконечно-разнообразными очертаніями, а только съ тѣми, которыя со-

ставляютъ произведеніе самаго человѣка, при помощи точно опредѣленныхъ, неизмѣнныхъ приемовъ, устраняющихъ возможность какихъ либо индивидуальныхъ различій отъ одного воспроизводителя къ другому. Это до такой степени вѣрно, что даже въ алгебраическихъ формулахъ геометрическихъ очертаній—мы имѣемъ возможность выразить только то, что отвѣчаетъ неизмѣнному приему воспроизведенія того или другого очертанія, независимо отъ всякихъ случайностей и личнаго произвола. Формула, выражающая напр. прямую линію—отвѣчаетъ неограниченному нашей волею однообразному, безъ уклоненій въ одну или другую сторону, движенію чертящей руки; выразить алгебраически (простою формулою) опредѣленный кусочекъ прямой или ломаную линію — мы неимѣемъ средствъ. Аналитическая формула круга изображаетъ только линію, въ которой лежатъ вершины всѣхъ прямоугольныхъ треугольниковъ, которыхъ гипотенуза (r) остается неизмѣнною, а оба катета принимаютъ поочередно всевозможныя величины отъ $-r$ до $+r$. Для особаго алгебраическаго выраженія только какой либо дуги круга, мы также не имѣемъ формулы, развѣ къ формулѣ круга присоединимъ новыя формулы, выражающія наше намѣреніе примѣнять ее въ такихъ—то предѣлахъ. Для выраженія площадей, тѣлесныхъ пространствъ, мы также не имѣемъ прямыхъ формулъ, а должны пользоваться для этого формулами изображающими очертанія фигуръ или тѣлъ, т. е. формулами кривыхъ линій и поверхностей, съ измѣненіемъ выражающимъ оговорку, что эти кривыя или поверхности служатъ предѣломъ, внѣшнимъ очертаніемъ площадей или тѣлъ.

На основаніи этихъ соображеній, легко усмотрѣть, что правильною, строго геометрической формулою для выраженія аксіомы относительно параллельныхъ линій могло бы быть только указаніе на происхожденіе параллельности отъ отновременнаго движенія двухъ точекъ въ низмѣнномъ направленіи, при сохраненіи неизмѣннаго разстоянія между одной линіею и другою. Еще правильнѣе было-бы, какъ я думаю, вовсе не включать въ число аксіомъ опредѣленія параллельности, какъ понятія не совершенно простаго, а предполагающаго уже отчетливо опредѣленные понятія объ измѣреніи разстояній или объ углахъ.

При ясному пониманіи изложенныхъ соображеній, совершенно устраняются самыя поводы къ гипотезамъ о сходимости параллельныхъ линій на значительномъ разстояніи и къ построенію основанной на этомъ воображаемой, анти — эвклидовой геометріи Лобачевского, Римана, Боіаля, Бельтрами, и др., помимо цѣли упражненія въ математическомъ остроуміи. Еще менѣе могутъ быть чѣмъ либо оправданы неизбѣжность уже никакого смысла фантазіи г. Целльнера объ экспериментальномъ опредѣленіи того угла, подъ которымъ сходятся линіи называемыя нами параллельными или — что тоже — опредѣленія величины суммы угловъ въ треугольникѣ анти — эвклидоваго пространства. Сумма эта предполагается г. Целльнеромъ отличною отъ 180 гр (стр. 229), хотя сами гг. Лобачевскій и Боіай сознаются, что въ дѣйствительности имъ не удалось отыскать ни въ чемъ ни малѣйшаго повода къ подобному утверженію (ст. 230).

Фантазіи эти цѣлкомъ принадлежатъ къ области тѣхъ псевдо-ученыхъ измышленій, которыхъ характеристику и

происхожденіе такъ ярко описываетъ Льюисъ. «Въ области мет-эмпиризма, говоритъ онъ, мы не имѣемъ даже вѣроятностей для нашего руководства. Это болото неопредѣленности, гдѣ почва уходитъ изъ подъ ногъ, гдѣ у насъ нѣтъ никакихъ орудій для повѣрки. Здѣсь предположенія самыя фантастическія имѣютъ тоже значеніе, какъ и представленія рациональныя. Они сохраняютъ свою власть надъ умомъ, разъ допустившимъ ихъ, потому-что, будучи по своей природѣ бездоказательными, они не могутъ быть опровергнуты: они никогда не приближаются къ опытнымъ истинамъ достаточно близко, чтобы мы могли точно опредѣлить, на сколько они отстоятъ отъ нихъ или противорѣчатъ имъ» (Вопр. о жизни и духѣ, стр. 32). Еще очевиднѣе и ярче выступаетъ полная нелѣпость фантазій г. Целльнера о томъ, чтобы, вмѣсто обыкновенной единицы длинны (миллиметра), принять нѣкоторую постоянную величину изъ формулы окружности круга въ анти-эвклидовскомъ пространствѣ (стр. 232.). Предположеніе это вдобавокъ слѣдуетъ не дальше—какъ чрезъ страницу послѣ цитаты изъ Гаусса о томъ, что эта постоянная величина, въ сравненіи со всѣмъ—что доступно нашимъ измѣреніямъ—необычайно велика, и цитаты изъ Фришауфа—о томъ, что практическія вычисленія не даютъ даже намека для предположенія, что наше пространство, для котораго величина этой постоянной безконечна, принимаетъ, на какомъ либо даже сидеральномъ удаленіи, анти-эвклидовскій характеръ (стр. 230). При такомъ сочетаніи совершенно неспримиримыхъ представленій, нельзя не признать полной основательности того сужденія о Целльнерѣ Берлинскихъ профессоръ, о которомъ мы упомянули выше. Другую п р о б у—ослѣпленія-ми,

наглої ли софистики или несообразительности, трудно рѣшить, — представляетъ г. Цельнеръ въ своихъ измышленіяхъ на тему симметріи фигуръ. Онъ признаетъ (ст. 246) существованіе этой особенности некоторыхъ фигуръ настоящимъ чудомъ, признаетъ его (также и расходямость параллелей) угломъ *Ding an sich*, выступающимъ для противоположныхъ умовъ изъ за таинственной завѣсы, скрывающей отъ насъ абсолютное. — Мы сейчасъ убѣдимся однако, что изъ за - этой завѣсы въ данномъ случаѣ выглядываютъ только чьи - то очень длинныя уши.

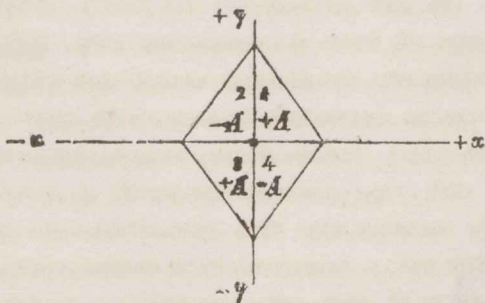
Пріемъ г. Цельнера для импонированія публикѣ — и здѣсь тотъ-же --какой мы указали выше. Кантъ, Гаусъ, должны расплатиться за признаніе ихъ великими людьми г. Цельнеромъ, если не полнымъ подтвержденіемъ бредней его, то по крайней мѣрѣ выставкою предъ свѣтомъ ошибокъ или случайныхъ недосмотровъ этихъ великихъ людей. Никто не удивится, что въ половинѣ XVIII вѣка, — когда Кантъ высказалъ необъяснимость для него фактовъ симметріи и различія между правою и лѣвою стороною въ частяхъ тѣла, когда формы органической природы представлялись актами непосредственнаго творчества, а не постоянного эволюціоннаго развитія, — явленія симметріи въ этихъ формахъ могли казаться загадочными. Изъ приводимыхъ самимъ же г. Цельнеромъ словъ Канта (стр. 224), легко усмотрѣть источникъ возникновенія этой загадки для Канта. Онъ говорилъ: «если представить себѣ, что первымъ творческимъ актомъ было созданіе чело-вѣческой руки, то необходимо, чтобы то была или правая рука, или лѣвая; чтобы произвести одну — необходимо было иное творческое дѣйствіе, чѣмъ для произведенія другой.

«Но такъ — какъ не существуемъ никакого различія между «руками въ отношеніяхъ одной къ другой, т. е. въ отношеніяхъ правой къ лѣвой или лѣвой къ правой, то каждая «рука должна бы оставаться относительно этого свойства совершенно неопредѣленной, т. е. каждая должна бы приходиться на ту или другую сторону тѣла — что невозможно.» Теперь, очевидно, никому и въ голову не придетъ говорить о сотвореніи одной руки прежде другой, о моделированіи позже сотворенной руки по образцу перво-сформированной, и такому почитателю Канта, какимъ объявляетъ себя г. Целльнеръ, слѣдовало бы лучше и не затрогивать этого предмета. (*)

Гауссъ, который — если не противорѣчить г. Целльнеру — приводится имъ какъ неоспоримый авторитетъ, замѣчаетъ по поводу недоумѣній Канта о значеніи симметріи, что «нельзя понять, какимъ образомъ этотъ проницательный философъ видитъ въ явленіяхъ симметріи доказательство своего мнѣнія, что пространство — только форма нашихъ представленій о внѣшнемъ мірѣ (стр. 227). Недоразумѣніе по этому поводу объясняется весьма просто тѣмъ, что Кантъ упустилъ изъ виду разницу между положительными и отрицательными величинами въ пространственныхъ очертаніяхъ: въ формулахъ,

(*) Нечего и говорить о совершенной несостоятельности заключенія о безусловномъ равенствѣ двухъ предметовъ на основаніи тождественности ихъ прямого и обратнаго отношенія другъ къ другу. Последнее условіе, выраженное языкомъ алгебраическимъ, приводитъ только къ заключенію о равенствѣ квадратовъ величинъ находящихся въ такомъ отношеніи, т. е. къ тому что одна величина равняется положительной или отрицательной величинѣ другой, — последнее и есть случай симметріи.

соответствующихъ символамъ ($+ a$) и ($- a$), величина (a). одна и таже; но при всемъ томъ ($+ a$), не можетъ быть равнымъ ($- a$). Въ геометрическихъ очертаніяхъ это различіе обуславливается тѣмъ, что наши измѣренія протяженія мы, не начинаемъ съ какой либо абсолютной, постоянной точки-опозади которой ничего уже нѣтъ, а напротивъ того — каждая точка пространства служить для насъ началомъ движенія въ одну и въ другую сторону, и стороны эти являются одна въ отношеніи къ другой не совершенно одинаково, а какъ положительная къ отрицательной или наоборотъ. Составить себѣ наглядное представленіе объ этомъ весьма легко-по слѣдующей фигурѣ:

Въ фигурѣ этой, треугольники 1, 2, 3, 4, являются попеременно симметрическими или абсолютно-равными, смотря потому — построены - ли они на однородныхъ координатахъ [1-й тр: ($+ x \times + y$), 3 й тр: ($- x \times - y$)], или на координатахъ съ противными знаками [2-й. тр: ($- x \times + y$), 4-й тр: ($+ x \times - y$)]. Такимъ же образомъ объясняется и значеніе оборота фигуръ съ лица на изнанку и *vice versa*.

Оборотъ на изнанку совершается вращеніемъ на 180 гр: около одной стороны, и потому только одна сторона измѣняетъ свой знакъ, такъ что треугольникъ $(+ x \times - y)$ переходитъ въ $(- x \times - y)$ или въ $(+ x \times + y)$, т. е. изъ симметріи фигура переходитъ въ совершенное равенство.

За тѣмъ все - что измышляетъ г. Целльнеръ (по стопамъ Римана). для уподобленія отношеній между величинами о двухъ измѣреніяхъ и величинами о трехъ измѣреніяхъ — соответственнымъ отношеніямъ къ этимъ послѣднимъ воображаемыхъ величинъ четырехъ измѣреній — обусловливается единственно недомолвкою или ошибочнымъ опредѣленіемъ въ одномъ, натяжкою или скачкомъ мысли въ другомъ, и — въ концѣ концовъ — сводится къ нулю.

Начать съ того, что плоскость т. е. протяженіе о двухъ измѣреніяхъ составляетъ только идеальный предѣлъ пространства въ направленіи третьяго измѣренія, и сама по себѣ, какъ ничто самостоятельно существующее, также не мыслима, какъ треугольникъ только о двухъ сторонахъ, какъ одна половина тѣла безъ другой; поэтому, насиловать свое воображеніе представленіемъ о существахъ какъ бы существующихъ въ томъ—что и само не существуетъ и даже немислимо—по меньшей мѣрѣ—нездорово. Затѣмъ, существа, которымъ были бы доступны только два измѣренія, т. е. такія которыя существовали бы только въ поверхности(!), очевидно не могли бы имѣть даже и тѣхъ поверхностныхъ представленій, которыми надѣляются ихъ гг. Риманъ и Целльнеръ. Уже, чтобы совершить операцію наложенія плоскихъ фигуръ одну на другую, для удостовѣренія сов-

паденія равныхъ величинъ, необходимо выйти хотя бы и на бесконечно малое разстояніе изъ плоскости, также какъ и для образованія простой петли, въ которой обѣ переходящія одна поверхъ другой вѣтви непремѣнно ложатъ въ разныхъ плоскостяхъ. Поборники разсматриваемыхъ измышлений напрасно усиливаются сдѣлать незамѣтной несообразность своихъ доводовъ въ бесконечно малой разности между обѣими плоскостями, подобно тому какъ гомеопаты прячутъ нелѣпость своего *similia similibus* въ бесконечной дробности дозирования лекарственныхъ веществъ. И для наложенія плоскостныхъ фигуръ, и для произведенія простой петли, безъ третьяго измѣренія всетаки нельзя обойтись, также какъ и при оборотѣ симметрическихъ фигуръ или при производствѣ двойной петли, т. е. узла (стр. 272). Здѣсь дѣло въ принципѣ, а не въ размѣрахъ употребляемаго въ дѣло въ одномъ и другомъ случаѣ третьяго измѣренія. Ошибочность, связанныхъ съ этими измышленіями понятій г. Целльнера о томъ, будто бы поверхность тѣлъ есть величина двухъ измѣреній, а фигура пересѣченія двухъ тѣлесныхъ пространствъ—поверхность, —можетъ усмотрѣть каждый, даже вовсе незнакомый съ элементами аналитической геометріи. Для человека —не спирита, какъ существа трехъ измѣреній, только плоскость составляетъ поверхность двухъ измѣреній, всякую же кривую поверхность мы должны неизбежно относить къ тремъ измѣреніямъ, такъ какъ измѣреніе протяженія по самой кривой поверхности, по бесконечному разнообразію кривизны и изгибовъ,—противно основнымъ началамъ геометрическихъ представленій, какъ объяснено выше. Говоря о пе-

пересѣченіи, мы собственно всегда разумѣемъ пересѣченіе очертаній, т. е. линий и поверхностей; пересѣченіе же двухъ тѣлесныхъ фигуръ есть собственно nonsens, такъ какъ тѣла, по нашему основному представленію о нихъ, не совмѣстимы и не пересѣкаются, а вытѣсняють одно другое; очертаніе же тѣла вытѣснившаго другое изъ занятого имъ до того пространства будетъ выражаться неизмѣнною формулою самаго тѣла.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ этими неправильными понятіями, падаютъ сами собою и всѣ выводы г. Цельнера для установленія аналогіи между пространствомъ и существами трехъ измѣреній—и воображаемымъ пространствомъ и медіумическими существами четырехъ измѣреній. При восстановленіи простыхъ опредѣленій здраваго человѣческаго смысла, вся эта фантазмагорія обращается въ ничто, и самъ г. Цельнеръ сдѣлался вѣроятно жертвою своего увлеченія только путемъ развитія того болѣзненнаго процесса, который мы описали выше по Тиссандье. Паденіе г. Цельнера въ спиритизмъ является едвали не предвѣріемъ скорого осуществленія того, на что указывали Берлинскіе профессора уже вслѣдъ за появленіемъ его книги *Über die Natur der Kometen*. Съ тѣхъ поръ болѣзнь сдѣлала очевидно быстрые успѣхи. Трансцендентное пространство четырехъ измѣреній, представлявшееся тогда г. Цельнеру только въ безконечномъ удаленіи, далеко за предѣлами нашихъ наблюденій, теперь спустилось въ предѣлы его комнаты, въ сферу чудесъ въ карманѣ г. Слѣда.

Мы дополнимъ представленную характеристику науч-

ныхъ пріемовъ и логическихъ силъ г. Целльнера еще одною чертою. Въ олеилени предвзятою цѣлью, г. Целльверъ теряетъ даже способность различать шутку отъ серьезнаго. Мы привели уже выше (стр. 43) одинъ прижѣръ этого, по поводу шутки Гаусса о геометрическихъ работахъ его въ будущей жизни. Другой прижѣръ, еще болѣе курьезный, находимъ въ книгѣ г. Целльнера въ особой статьѣ: *Thomson's Dämonen und die Schatten Plato's*. Дѣло въ томъ, что извѣстный англійскій физикъ Томсонъ, съ цѣлью указать всю нелѣпость предположенія, что теплота можетъ переходить изъ холоднаго тѣла въ теплое, прибѣгнувъ къ слѣдующей шуткѣ. Совершенно серьезнымъ тономъ онъ говоритъ, что это непостижимое и невѣроятное для многихъ явленіе обуславливается дѣятельностью особыхъ существъ, которыя— пока не придумано лучшаго названія—Томсонъ предлагаетъ называть чертиками, — существъ очень маленькихъ, незнающихъ инерціи, съ очень тонкими чувствами и разумомъ, и удивительно подвижныхъ. Дѣятельность этихъ чертиковъ заключается въ томъ, что они наблюдаютъ за частичками газа, находящагося въ особомъ сосудѣ, какъ бы съ перегородкою, снабженною множествомъ клапановъ (также лишенныхъ инерціи); маленькіе чертики, когда слѣдуетъ, открываютъ и закрываютъ клапаны, такъ—что частицы обладающія болѣею скоростью (теплѣйшіе) переходятъ изъ одного отдѣленія въ другое, а въ замѣнъ ихъ, въ обратномъ порядкѣ, поступаетъ такое же число болѣе холодныхъ частицъ. Такимъ образомъ во второмъ отдѣленіи газъ будетъ становится все теплѣе, а въ первомъ холоднѣе, т. е. теплота будетъ пере-

ходить изъ холоднаго тѣла въ теплое». (1. с. стр. 712.).— Каждый здравомыслящій человекъ легко признаетъ въ этихъ словахъ Томсона насмѣшку надъ нелѣпностью послѣдняго предположенія, Но г. Целльнеръ принимаетъ шутку за совершенно серьезное доказательство. и—на основаніи ея—поднимаетъ цѣлую бурю обвиненій противъ Томсона, Максвелля, Тета и Гельмгольца. Но мнѣнію г. Целльнера, Томсонъ и послѣдователи его прибѣгли дѣйствительно къ гипотезѣ чертиковъ для объясненія указаннаго движенія теплоты, и обличенію ихъ въ этомъ—посвящена цѣлая статья *Wissenschaftliche Abhandlungen*. Впрочемъ г. Целльнеръ, въ качествѣ истаго спирита, порицаетъ Томсона ничуть не за предположеніе существованія описанныхъ чертиковъ;—онъ ставитъ ему въ вину только то, что онъ прибѣгнулъ безъ нужды, къ этой гипотезѣ для объясненія вовсе не существующаго факта (стр. 713.), и вслѣдъ за тѣмъ переходитъ къ повѣствованію о чудесахъ г. Следа, какъ бы указывая въ нихъ дѣйствительно существующій фактъ, для объясненія котораго гипотеза чертиковъ была бы, пожалуй, и совершенно кстати. Четырехмиѣрное пространство уготовано г. Целльнеромъ, очевидно для для этихъ чертиковъ. Мы и оставимъ ихъ въ этихъ во о б р а ж а е м ы хъ пространствахъ, вмѣстѣ съ тѣми во о б р а ж а е м ы м и научными величинами, которыя, тѣмъ или другимъ путемъ дошли до этихъ чертиковъ,—и подводя итоги пробамъ научной силы и здравомыслія г. Целльнера, представимъ все — что мы обозрѣли въ его *Wissenschaftliche Abhandlungen* и отношеніе ихъ къ истинной наукѣ въ слѣдующемъ наглядномъ образѣ.

Пусть читатель представить себя предъ общеизвѣстнымъ физическимъ инструментомъ—калейдоскопомъ. Инструментъ построенъ прочво, изъ хорошихъ матеріаловъ, поставленъ на незыбкомъ постаментѣ, или его держать спокойно въ здоровыхъ, недрогнувшихъ рукахъ. Для смотрящаго въ калейдоскопъ — масса разноцвѣтныхъ осколковъ, скопленныхъ между объективныхъ стеколъ, даетъ правильную, красивую звѣздную фигуру. Прибавляются новые осколки—и фигура растетъ въ объемъ и разнообразіи красокъ, оставаясь неизменною въ своихъ основныхъ очертаніяхъ.—Но вотъ калейдоскопъ сдвинуть съ своего пьедестала,—онъ въ дряхлыхъ, дрожащихъ рукахъ или въ рукахъ человѣка, котораго бьетъ лихорадка страсти, безумнаго самолюбія, зависти, суевѣрныхъ страховъ, необузданнаго воображенія: калейдоскопъ прыгаетъ въ рукахъ, —и тоже количество осколковъ ежеминутно группируется въ, новые и новые фигуры. Это тѣ самыя досужія измышленія, которыми угощаютъ насъ ученые, въ родѣ г. Целльнера: теоріи существъ о четырехъ измѣреніяхъ, теоріи психодинамической силы г.г. Крукса, Вагнера, Бутлерова, магнетическія теоріи Месмера, Рейхенбаха, богословскіе бредни Сведенборга, Овена, и пр. и пр.

Намъ остается теперь еще сказать нѣсколько словъ о самомъ обстоятельстве, которое г. Целльнеръ считаетъ рѣшительнымъ подтвержденіемъ спиритизма и своихъ теорій о существахъ четырехъ измѣреній. Обстоятельство это—искуство мистера Слэда представлять зрителю неожиданное появленіе, посреди нитки, узловъ, которые обыкновенно дѣлаются не иначе какъ при полномъ оборотѣ по крайней мѣрѣ одного конца-

нитки(*).—Всякій горожанинъ Европы видывалъ на своемъ вѣку множество такихъ же и еще болѣе изумительныхъ фокусовъ у ловкихъ претидигаторовъ, нисколько не тревожась своего неумѣlostью повторить ихъ или хотъ объяснить себѣ секретъ загодочныхъ явленій. Чтобы побудить ученыхъ, въ родѣ г. Целльнера, заняться этимъ дѣломъ, какъ чѣмъ-то серьезнымъ, потребовалось уснащеніе пріемовъ обыкновенныхъ фокусниковъ наглостію и престижемъ джентльменства въ родѣ того, которымъ обладаютъ въ такой высокой степени почти всѣ дантисты, куафѣры, келнера грабительскихъ отелей и прикащики грабительскихъ магазиновъ любаго большаго города Европы. Этихъ условій, въ переживаемую эпоху эпидеміи столоверченія, вѣры въ *Mattei*, въ *Wunder Frau*, и т. п., было совершенно достаточно для г. Целльнера, чтобы признать ловкій фокусъ г. Слѣда—фактомъ опрокидывающимъ вверхъ-дномъ всю нашу науку, всѣ здоровыя воззрѣнія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Увлеченіе г. Целльнера восторгомъ воображаемаго открытія факта, подтверждающаго его излюбленную теорію, было такъ сильно, что онъ забылъ даже о самой простой провѣркѣ его дѣйствительности. Взявшись за излѣдованіе фокуса г. Слѣда, какъ серьезнаго факта, каждый здоровый умственно человекъ, на мѣстѣ г. Целльнера, не оставилъ бы сдѣлать провѣрку его въ обратномъ порядкѣ, — каждый пригласилъ бы г. Слѣда воспользоваться своимъ четвертымъ измѣреніемъ для того—чтобы и развязать загодоч-

(*) Недавно впрочемъ было сообщено въ газетахъ, что секретъ фокуса Слѣда розоблаченъ г. Лившакомъ въ Вильно.

нымъ образомъ завязанные узлы.....Ученый профессоръ астро—физики Лейпцигскаго Университета, Членъ Императорской Академіи (*) естествоиспытателей въ Москвѣ, не умѣеть или не имѣеть смѣлости предъ джентльменомъ Слэдомъ (стр. 729.) употребить даже такого простаго приема для провѣрки своего страстнаго аффекта, и незадумываясь признаеть жалкій фокусъ—фактомъ, рѣшающимъ судьбу всего человѣческаго познаванія. Г. Целльнеръ, по видимому, приходитъ въ упоеніе отъ мысли, что на его долю выпало произнести этотъ рѣшительный приговоръ надъ нашимъ «научнымъ суевѣріемъ»: онъ считаетъ себя чуть не новымъ Коперникомъ (стр. 730), и, въ виду величія предстоящаго ему подвига, ободряетъ себя словами Бисмарка, что воззваніе къ страху не найдетъ отклика въ нѣмецкомъ сердцѣ, что »его вѣры не сдвинетъ никакое человѣческое слово, ни друга о Господѣ, ни служителя Его Церкви «(стр. 731)!

(*)Въ этомъ титулѣ (на прелектусѣ 1 го тома Wissens. Abhandlungen) соотвѣтствующемъ титулу г. Аксакова (Kais. Russ. Wirk. Staats-Rath zu S. Petersburg),—также характеристическая черта г. Целльнера и его единомышленниковъ. Въ титулѣ этомъ скромное названіе московскаго Общества естествоиспытателей замѣнено болѣе громкимъ названіемъ небывалой Императорской Академіи. Безъ сомнѣнія, это должно также импонировать публикѣ, какъ и намекъ на Петербургъ—гдѣ находится нашъ Staats Rath—въ титулѣ г. Аксакова; для той же цѣли, вѣроятно, должны служить и прекрасные портреты Ньютона, Канта и Фарадея приложенные ни съ того—ни съ сего къ книгѣ г. Целльнера, также какъ и чужая статья (проф. Зигварта) о нравственныхъ основахъ науки—вмѣсто предисловія. Такіе приемы дѣлають вполнѣ понятными симпатіи г. Целльнера къ

Никто, разумѣется, и не станетъ брать на себя совершенно безнадежнаго труда сдвинуть съ вѣры въ г. Слѣда человѣка однажды сдвинутаго съ основъ здраваго человѣческаго смысла и уже весьма недалекаго отъ Сведенборговскихъ бесѣдъ съ самимъ Господомъ - Богомъ. Наше дѣло — позаботиться о томъ, чтобы по возможности устранить поводы къ подобному движенію у людей, которымъ могутъ импонировать всѣ призываемыя г. Цельнеромъ великія имена—Ньютона, Канта, Гаусса. Для успокоенія ихъ недоразумѣній относительно доказательной силы свидѣтельствъ (даже предполагая ихъ вполне добросовѣстными) о фактахъ подобныхъ неуправляемому завязыванью узловъ г. Слѣдомъ, мы ограничимся ссылкой на слѣдующія слова Д. С. Милля.» Основанія для отстраненія отъ себя вѣры въ какое либо утвержденіе, заключающіяся въ несостоятельности доказательства. Невѣріе означаетъ при этомъ не то состояніе духа, когда мы находимся въ невѣдѣніи относительно предмета и не можемъ составить себѣ понятія о немъ, а напротивъ того состояніе —полнаго убѣжденія въ ложности того или другого мнѣнія; такъ что, если бы, въ пользу этого мнѣнія, имѣлось въ виду даже весьма строгое доказательство (основанное на свидѣтельствѣ другихъ или на нашей собственной кажущейся перцепціи), — мы все - таки будемъ

джентльмену Слѣду, рекомендованному въ довавокъ гг. Крукомъ и Лордомъ Линдсеємъ, у котораго г. Цельнеръ имѣлъ счастье гостить продолжительное время.» (стр. 288). Не лишнее будетъ замѣтить, что г. Слѣдъ—тотъ самый джентльмень, который былъ уличенъ въ обманѣ и приговоренъ Лондонскимъ мировымъ судьей, по жалобѣ проф. Дакстера.

думать, что, или свидѣтельство ложно, или что свидѣтель (или мы сами) впалъ въ ошибку. Положительный доводъ приводимый въ подкрѣпленіе кокого либо утвержденія, отвергаемаго по невѣроятности или невозможности, никогда не достигаетъ степени полного доказательства. Онъ всегда основанъ на приблизительномъ обобщеніи. Фактъ можетъ имѣть за себя сотню свидѣтельствъ, но есть и сотни исключеній изъ обобщенія, будто бы то — что подтверждено сотнею свидѣтелей — непременно истинно. Намъ самимъ можетъ казаться будтобы мы видѣли фактъ, но нельзя считать за абсолютную истину, что видимое нами — есть именно то, что намъ кажется: органы нашихъ чувствъ могли находиться въ болѣзненномъ состояніи или же мы могли вообразить себѣ, что мы видѣли на самомъ дѣлѣ то — къ чему пришли только по умозаключенію. Поэтому, такъ-какъ доказательства въ утвердительномъ смыслѣ всегда — не болѣе какъ приблизительное обобщеніе, то окончательное рѣшеніе должно зависѣть отъ силы доказательства въ отрицательномъ смыслѣ. Если и это основывается также лишь на приблизительномъ обобщеніи, то мы имѣемъ предъ собою только путь сравненія вѣроятностей въ томъ и другомъ смыслѣ. Если приблизительныя обобщенія въ утвердительномъ смыслѣ вмѣстѣ взятыя будутъ слабѣе, т. е. будутъ болѣе далеки отъ абсолютно общаго правила, нежели обобщенія въ отрицательномъ смыслѣ, — то утвержденіе слѣдуетъ признать невѣроятнымъ, и — впредь до полученія новыхъ данныхъ — незаслуживающимъ вѣры. Но если въ то же время разсматриваемое обстоятельство находится въ противорѣчій не только съ извѣстнымъ числомъ приблизительныхъ обобще-

ній, но и съ общимъ правиломъ основаннымъ на строгомъ наведеніи, то обстоятельство это слѣдуетъ отнести въ область невозможнаго, и самый фактъ—признать совершенно незаслуживающимъ вѣры. — Правило, что обстоятельство подтверждаемое множествомъ почтенныхъ свидѣтелей — въ самомъ дѣлѣ истина, — есть только приблизительное обобщеніе, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ кажется, что мы сами ощущали или видѣли явленіе противное общимъ законамъ, въ сущности мы имѣемъ дѣло съ рядомъ явленій, изъ которыхъ мы только составляемъ умозаключеніе объ истинной натурѣ факта, и въ этомъ умозаключеніи—приблизительныя обобщенія играютъ большую роль. — Но такъ какъ принятое за законъ общее правило основано на полной индукціи, то и опроверженіе его требуетъ равносильнаго доказательства; необходимо чтобы правило это оказалось непримиримымъ не съ извѣстнымъ числомъ приблизительныхъ опредѣленій, а съ другимъ строже доказаннымъ закономъ природы» (Д. С. Милль, Индук. Лог. въ нѣм. извл. Шилля, стр. 402 — 405).

Въ этихъ словахъ каждый здравомыслящій человекъ признаетъ простое описаніе того процесса мышленія, которому каждый и слѣдуетъ сознательно или безсознательно въ своихъ умозаключеніяхъ; усомнятся въ томъ только люди, которыхъ большой умъ падаетъ съ ужасающею быстротою въ ту бездну, въ которой ожидаетъ ихъ неотвратимо печальная судьба Сведенборга, Овена.

Спиритическіе бредни сдѣлались значительно опаснѣйшими съ тѣхъ поръ, какъ такъ—называемые медіумы устремились на эксплуатацію довѣрчивости людей религіозныхъ. Овенъ погибъ именно жертвою такой эксплуатаціи. Г. Целль-

нера ожидаетъ повидимому таже судьба. Во многихъ мѣстахъ своей книги онъ уже впадаетъ въ тонъ проповѣди, говорить объ истинной(!) надеждѣ, объ истинной(!) вѣрѣ (стр. 209).

Движеніе спиритизма въ этомъ направленіи—продуктъ той безграничной наглости, которая составляетъ несомнѣнную особенность нашего времени въ поддѣльной респектабельности, въ джентльменствѣ Юмовъ, Слэдовъ, и несчетнаго числа всякихъ пройдохъ на всѣхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы. Честь открытія (или покрайней мѣрѣ обновленія) этого пути безспорно принадлежитъ Юму. До него—отъ проказы спиритизма и родственныхъ ему бредней—вѣрующіе христіане были ограждаемы словами апостола Павла, увѣщавшаго свою паству невѣрять даже и тому—кто дѣлаетъ чудеса, если онъ не проповѣдуетъ Христа. Г. Юмъ заставилъ столы выстукивать религіозныя сентенціи въ Тюльери и заслужилъ, какъ мы видѣли, отъ Пія IX титулъ волшебнаго жезла католицизма. Алланъ Кардекъ, маркизъ Мирвиль, Дюмуссо, Элифасъ Леви, и пр. и пр.—цѣлый легіонъ наглыхъ шарлатановъ устремились теперь на христіанскія души, какъ бѣсы въ Фаустѣ, чрезъ порогъ, съ котораго снята Юмомъ священная пентаграмма апостольскихъ словъ. Учителямъ Церкви предстоитъ возстановить ихъ силу разъясненіемъ истиннаго значенія чудесъ, напоминаніемъ, что и въ первыя времена христіанства, какъ замѣчаетъ Милль (I. с. стр. 408), даже сила творить чудеса не служила ни для кого, сама по себѣ, доказательствомъ истины. Въ спиритизмѣ—же дѣло вовсе не въ чудесахъ, а въ однообразно пошлыхъ балаганныхъ фокусахъ, совершаемыхъ въ обстановкѣ

джентльменскаго престижа Юмовъ, Бредифовъ, Слэдовъ и т. п., и въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, въ которыхъ, какъ теперь очевидно для всѣхъ по характеру г. Целльнера и ему подобныхъ, — есть полное основаніе, по малой мѣрѣ, сомнѣваться. Не смотря однако на всю очевидную нелѣпость и ничтожество спиритическихъ бредней, въ виду быстрого распространенія всякаго печатнаго слова, въ виду столь же быстрого распространенія того вида образованія, который представляетъ такую удобную почву для всякихъ псевдо-научныхъ измышленій, — дѣло это заслуживаетъ все-таки полнаго вниманія людей серьезныхъ и искреннихъ. Обращаясь къ нимъ, мы заключимъ нашу статью словами Шлейдена (Этюды стр. 181 и 182): «надобно отрѣшиться отъ предубѣжденія, которое, по легко понятной причинѣ, преднамѣренно поддерживается учеными, имѣющими наибольшее вліяніе на образъ мыслей общества, что ученые по профессіи, уже по своему положенію, стоятъ на высшей ступени человѣческаго образованія. Этотъ самъ по себѣ совершенно ложный предразсудокъ весьма сильно поддерживаетъ заблужденія, потому что здѣсь предполагаютъ не больше, какъ человѣческую способность ошибаться, недумая, что можно принадлежать къ ученому сословію и въ тоже время быть на столько же глупымъ, невѣждою и безправственнымъ, какъ можетъ быть ремесленникъ, купецъ или всякій другой человѣкъ». — «Небоясь упрековъ въ несправедливости, я скажу, что девять десятыхъ проводниковъ научнаго суевѣрія сбиваются съ пути не только по глупости или невѣжеству, но и по недобросовѣстному эгоизму».

Р. С. Самъ г. Целльнеръ однако предпочитаетъ, повидимому, подвергнуться скорѣе обвиненію въ глупости, чѣмъ въ недобросовѣстности. Въ предусмотрительномъ, можетъ быть инстинктивно, расчетѣ на это, онъ заканчиваетъ вышедшій недавно новый томъ *Wissenschaftliche Abhandlungen* цитатою изъ Фихте, въ смыслѣ диаметрально противоположномъ приведеннымъ словамъ Шлейдена. По словамъ Фихте, «для объясненія многихъ явленій, приписываемыхъ злему умыслу и подлости, совершенно достаточно одной глупости и неподвижности». Если эту цитату слѣдуетъ примѣнить къ самому Целльнеру, то во всякомъ случаѣ съ нѣкоторымъ усиленіемъ терминовъ. Глупость приходится замѣнить здѣсь настоящимъ безуміемъ, въ которомъ новый томъ *Wissenschaftliche Abhandlungen* не оставляетъ уже никакого сомнѣнія. И въ содержаніи, и въ способѣ изложенія—явные признаки окончательнаго умственного разстройства Уже въ самомъ заглавіи замѣтна характеристическая для психическаго разстройства шаткость воли и выраженій. Книгу свою на вѣшной обложкѣ Целльнеръ озаглавливаетъ *Wissenschaftliche Abhandlungen von A. Zöllner*, но подъ этимъ титуломъ помѣщаетъ статьи Кеплера, Ньютона, Бесселя, Ольберза, Гершеля, и, какъ будто смутно сознавая несообразность названія такого сборника трудовъ разныхъ авторовъ своимъ именемъ, на внутреннемъ заглавномъ листѣ присоединяетъ уже слово *herausgegeben*, превращающее самага Целльнера изъ сочинителя въ издателя. Такимъ же помраченіемъ сознанія можно только объяснить смѣлость или наивность, съ которою Целльнеръ цитируетъ прямо осуждающія его нелѣпыя теоріи слова Канта (стр. 481): «Придумывать для объясненія нѣкоторыхъ явленій скры-

тыя силы, не находящіяся въ подтверждаемой опытомъ связи съ извѣстными уже силами природы,—это такая выходка на авось, которая никогда не можетъ быть допущена въ здоровой наукѣ о природѣ».— Въ такомъ же смутномъ сознаніи, Целльнеръ даетъ самъ такое опредѣленіе пространства четырехъ измѣреній, которое вполне совпадаетъ съ объясненнымъ выше представленіямъ среды. Онъ говоритъ (стр. 893): «Поэтому впечатлѣнія давленія, вкуса, запаха, звука и свѣта, должны быть отнесены къ категоріи такихъ интенсивныхъ (въ противоположность экстенсивнымъ) впечатлѣній, которыхъ ощущеніе, относительно ихъ послѣдовательной измѣняемости, предполагаетъ существованіе въ насъ только представленія времени». «Къ этой категоріи должно поэтому принадлежать то—что мы должны разматривать, какъ реальную сущность абсолютнаго пространства». Очевидно, что сочетаніе представленія интенсивности съ представленіемъ пространства и составляетъ существенную черту представленія среды.—

Дальнѣйшее развитіе мыслей Целльнера во 2^{мъ} томѣ представляетъ впрочемъ еще болѣе яркіе признаки полнаго умственнаго разстройства. На стр. 904, Целльнеръ приводитъ, въ подтвержденіе своихъ иллюзій, извѣстный памфлетъ Фехнера (*Der Raum hat vier Dimensionen*), о которомъ мы упоминали выше, а на стр. 913 сознается прямо въ своихъ галлюцинаціяхъ, говоря о явленіи изъ подъ стола какой-то большой руки, оливковаго цвѣта. Затѣмъ онъ не смущаясь повѣствуетъ о томъ какъ дурачилъ его Слѣдь, который, говоря будто онъ видитъ въ

воздухъ огоньки, побуждалъ тѣмъ смотрѣть не на руки его, Слѣда, а туда—куда нужно было для удобства его манипуляцій: «Я слѣдовалъ невольно, сознается Целльнеръ, моими взорами туда—куда Слѣдъ поворачивалъ свою голову». На стр. 930 Целльнеръ наивно признается, что «ни одинъ изъ приготовленныхъ имъ экспериментовъ не удался въ томъ видѣ какъ былъ ожидаемъ», и эту—то именно неудачу и признаетъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ, что Слѣдъ не фокусникъ! Утверждая проницаемость матеріи, физикъ Целльнеръ и поставленъ былъ впрочемъ въ необходимость притянуть, какое либо объясненіе неудачъ задуманныхъ опытовъ, такъ какъ, не прибѣгая къ штукамъ, которыя легко можно произвести путемъ фокусничества (кольца, узлы и т. п.), проще всего было взять стеклянной шаръ и пригласить Слѣда доказать проницаемость его для медиумической силы, вводя и выводя изъ него куски желѣза, мѣди и, т. п. Такой прямой и рѣшительный путь для опытовъ надъ новою силою представился бы Целльнеру, еслибы онъ былъ въ здоровомъ умѣ, тѣмъ болѣе необходимымъ, что, въ концѣ концовъ, онъ принужденъ самъ согласиться (стр. 1190-1191), что штуки съ кольцами могли быть и фокусническою продѣлкойю. Но, какъ помѣшанный, онъ не идетъ по этому здоровому пути, а придумываетъ, для оправданія плутней медиумовъ, цѣлую теорію (стр. 934). Онъ допускаетъ у медиумовъ особую наклонность къ обману, подобно тому какъ у нѣкоторыхъ богатыхъ людей бываетъ наклонность къ воровству (клептоманія)! Логика его такова: такъ какъ ме-

діумы обладают(!) силою и безъ обмана производить чудесныя явленія, также какъ богатый клентоманъ можетъ получить все желаемое и безъ кражи, то не слѣдуетъ ставить медиумамъ въ нравственную вину этихъ обмановъ (стр. 234)! Эта выходка указываетъ и на идущее у Целльнера, параллельно умственному, и нравственное разложеніе, которое еще ярче проявляется въ чудовищной инсинуаціи, поставляющей преступленіе Нобилинга въ связь съ его докторскимъ дипломомъ (стр. 650)! Предъ этимъ, разумѣется, блѣднѣютъ уже всѣ остальные безобразныя выходки, въ родѣ площадной руготни на противниковъ его безумныхъ иллюзій, которыхъ онъ обзываетъ безцеремонно «народоразвращающими мошенниками» (стр. 960), или навязыванія Альф. Дове, вмѣвшему несчастье водиться съ Целльнеромъ до его сумашествія, роли свидѣтеля, какъ Дю - Буа - Ремонъ говорилъ, въ частной бесѣдѣ, что для Целльнера нужно приготовить мѣсто въ домѣ сумашедшихъ (стр. 961).

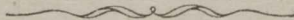
Тенерь, къ сожалѣнію, не можетъ быть уже никакого сомнѣнія, что опасенія Дю - Буа - Ремона вполне осуществились, и Целльнеръ, до окончательной потери сознанія и способности писать, будетъ служить дѣлу спиритизма въ области науки также усердно, какъ служилъ ему въ области религіи несчастный Робертъ Даль Овень.

— — — С. Целльнеръ.

Опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
6	19	самаго	самого
13	5	знакомы	знакомы ; —
—	13	зсленымъ, и	зеленымъ и
—	15	поь	по-
—	16	служит-	служить
14	22	вейличныы	величины
—	14	С. Д. Милль	Д. С. Милль
17	2	ннкакъ	никакъ
—	12	пепрерывность	непрерывность
—	18	самого	самаго
18	8	другой,	другой
—	13	По этому	Поэтому
19	25	достоинетво	достоинство
21	4—5	свойствахъ	свойствахъ
—	7	выходящимъ	выходящемъ
—	12	недоступными	недоступными
23	3	самаго	самого
—	18	говорить	говорить
24	16	функціи	функціи
—	—	т. е,	т. е.
25	10	воображаемыхъ	воображаемыхъ
—	18	какимъ	какимъ
—	19	субстанціи	субстанціи
—	20	основныы	основныы
26	5	существованіи	существованіе
—	10	кажется было	кажется, было
—	27	самаго	самого
27	2	о томъ что	о томъ, что
—	11 въ		
—	примѣч.	представленій	представленія
28	11	нереходить	переходить
—	18	самаго	самого
—	27	мысль	мысль
29	3	Осуществленіе	осуществленіе
—	7	остроуміи	остроуміи
31	16	драгоцѣнное	драгоцѣнное
40	1	сти; Кантъ	сти. Кантъ
—	12	Шлейденъ	Шлейденъ,

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
44	17	самаго	самого
46	1	самаго	самого
—	13	кусочекъ	кусочекъ
47	4	одновременнаго	одновременнаго
—	5	нѣизмѣнномъ	нѣизмѣнномъ
	25—26	поцодобному	подобному
50	1 въ		
51	примѣч.	предметовъ	предметовъ
—	1	величина (а).	величина (а) —
—	2	томъ (+ а), не	томъ (+ а) не
—	4	мы,	мы
—	6	опозади	позади
52	10	Соа	Со-
—	8	измѣреніяхъ	измѣреніяхъ
53	22	нѣмыслимо	нѣмыслимо реально
54	4	лажатъ	лежатъ
55	13	измѣреній При	измѣреній. При
56	2	ослепленіи	ослепленіи
58	21	очевидно для	очевидно, для
	11	любаго	любого
59	1 въ		
60	примѣч.	прапектусъ 1 го	проспектусъ 1-го
	7	движенію	движенію
—	18	а напротивъ того	а, напротивъ того,
61	18	основывается	основывается
63	7	соціальной,	соціальной
65	16	разстройства Уже	разстройства. Уже

٩٤٤